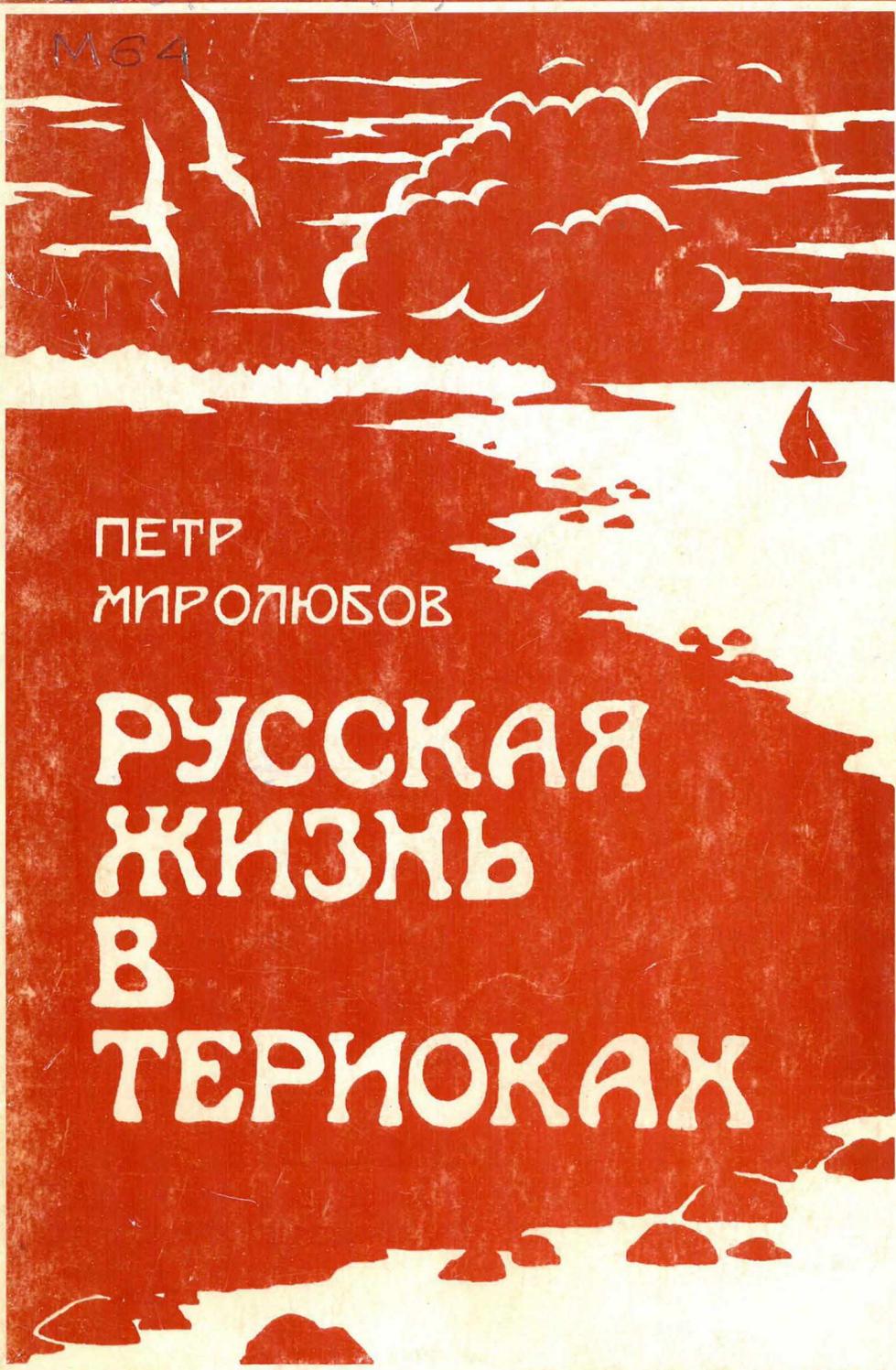

633/2-2018

М64

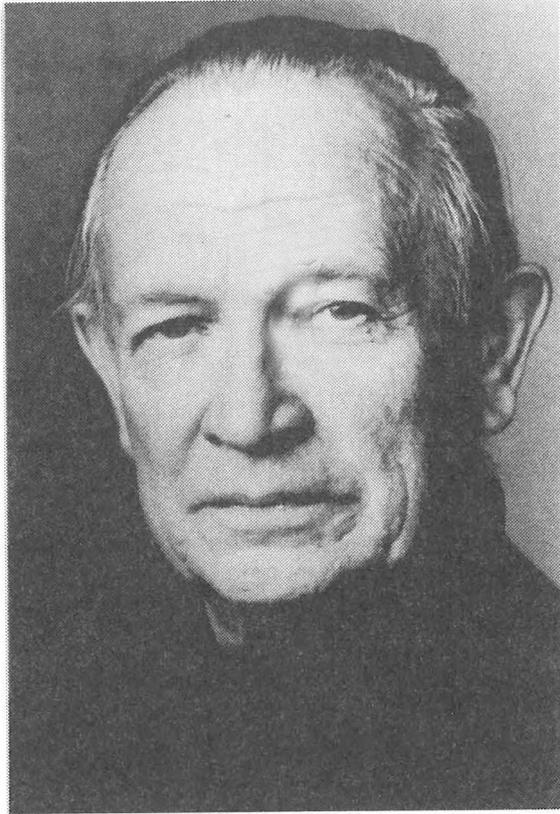
ПЕТР
МИРОЛЮБОВ

РУССКАЯ
ЖИЗНЬ
В
ТЕРИОКАХ

ПЕТР МИРОЛЮБОВ
**РУССКАЯ
ЖИЗНЬ
В
ТЕРИОКАХ**

Историко-краеведческое
общество «Мариоки»
2004

W. P. Lipscomb

63.3(2-2СП8)

М64

ПЕТР МИРОЛЮБОВ
**РУССКАЯ
ЖИЗНЬ
В
ТЕРИОКАХ**

7

АБОНЕМЕНТ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

124324/1

ГУК "ЦБС Курортного района"
Санкт-Петербурга

Зеленогорский краеведческий центр
Санкт-Петербург 1992

*Память — главная артерия
человеческой души, по которой текут
воспоминания о детстве, родных,
близких, о светлом и теплом чувстве
генетической любви, давая всем нам
силы жить и выжить.*

Книга еkkлeсиастa

История родного края — огромный клад. Найти этот клад и подарить его потомкам могут люди с большим сердцем и любовью к своей земле. К их числу относится — Константин Виноградов — учитель истории 445 школы г. Зеленогорска. Он был не только необычный учитель и необычный человек, он — основоположник краеведения Зеленогорска. Через свою работу, через всю свою недолгую жизнь он пронес любовь к нашему краю и знание его истории. К. Виноградов первым в 80-е годы стал вскрывать архивы, находить материалы об истории Териок и окрестностей, общаться с людьми, которые делились с ним своими воспоминаниями. К числу таких людей относится и Петр Миролюбов, с которым у Константина сложились как творческие, так и человеческие отношения. Результатом их союза стала рукопись книги, которую вы держите в руках.

В силу трагических обстоятельств издание этого произведения не было осуществлено в 1992 году. И только спустя 12 лет книга выходит в полном объеме.

Пусть она будет человеческой благодарностью Петру Миролюбову и символом светлой памяти Константина Виноградова.

Выражаем благодарность типографии «Любавич», Зеленогорской библиотеке и лично Браво Александру за помощь и поддержку зеленогорских краеведов.

Отзывы и предложения о книге просим присылать на сайт:

www.terijoki.spb.ru

Историко-краеведческое
общество «Мариоки»

ПРЕДИСЛОВИЕ

от составителя

Автор предлагаемой читателям книги Петр Федорович Миролюбов является гражданином Финляндии, живет в Хельсинки. В этой стране он больше известен как композитор и музыкант. Литературное творчество П. Миролюбова известно только финляндским русским, его воспоминания, рассказы, стихотворения печатались в русских изданиях в Финляндии: журналах «Наша жизнь» и «Русский листок в Финляндии». В настоящем небольшом сборнике печатаются воспоминания «Русская жизнь в Териоках» и несколько рассказов, являющихся как бы продолжением воспоминаний. Объединяет этот сборник общая тема: жизнь русских в Финляндии.

Русские являются национальным меньшинством в Финляндии и жизнь их в этой стране складывалась нелегко. Особенно трудными были первые годы после получения Финляндией независимости. До 1917 года Великое княжество Финляндское являлось составной частью Российской империи, и русские чувствовали себя здесь хозяевами. 6 декабря 1917 года парламент Финляндии принял Декларацию о независимости страны, а 31 декабря ленинский Совет Народных Комиссаров официально признал Финляндию суверенным государством. Но обретение независимости не было

легким. В конце января 1918 года в Гельсингфорсе (Хельсинки) и Южной Финляндии власть захватили радикально настроенные левые социал-демократы, поддержанные Советской Россией. В стране началась гражданская война, где, как и у нас, были и «красные», и «белые». В этой войне победу одержали «белые» под руководством генерала Карла Густава Маннергейма и при помощи Германии. После этого, как пишет в «Очерках русской смуты» генерал А. И. Деникин, «ненависть финнов к русским большевикам перешла ко всему, что носило русское имя. Гонению подверглось все русское население, не испытывавшее ничего подобного в дни финского коммунизма. Если финляндская пресса того времени отражала действительно народные настроения, то они дышали страстной, болезненной нетерпимостью ко всему что напоминало о России, даже к “проклятым луковицам” — так называли финляндцы купола православных храмов...» Русские оказались практически полностью политически бесправными, и прошло много лет, прежде чем они смогли почувствовать себя нелишними людьми в этой стране.

Следует отметить, что поколение, к которому принадлежит Петр Миролюбов — это не поколение эмигрантов. Родиной этих людей является Финляндия и многие из них долгие годы не могли побывать на своей этнической родине. В чуждой языковой среде, в не всегда благоприятной общественной атмосфере эти люди смогли сохранить и пронести через годы свою «русскость», сохранить язык, православную веру, традиции. Они не растворились в финском народе, но остались русскими.

После октябрьской революции 1917 года большинство русских в Финляндии жило на Карельском перешейке. Одним из русских центров здесь был небольшой поселок Терийоки.* До революции это был популярный среди жителей российской столицы дачный район. В то время Терийоки скорее был больше русским поселком, финны находились здесь как бы в роли «обслуживающего персонала», имевшего доход от русских дачников и отдыхающих. Когда Россия стала Советской, а Финляндия — независимой, многие русские предпочли остаться в последней. К ним вскоре присоединились тысячи людей, бежавших от советской власти через совет-

* См. примечание 2

ско-финляндскую границу. Часть беженцев оставалась в Терийоки, а для большинства Терийоки стал своеобразным перевалочным пунктом в их долгом путешествии в другие районы русской эмиграции в Европе и Америке. Благодаря многочисленности русского населения в Терийоки, русская жизнь здесь не умерла. До конца 30-х годов здесь оставался действующим православный приход, работали русские школы, существовали самодеятельность, церковный и светский хоры. Правда, со временем все больше русских уезжало вглубь Финляндии, но умерла здесь русская жизнь только перед самой «зимней войной», когда все население Карельского перешейка было заблаговременно эвакуировано в другие районы страны.

Особенности этой русской жизни, особенности «психологической акклиматизации» русских в новых условиях, особенности быта, культурной и церковной жизни очень подробно и интересно описаны в воспоминаниях Петра Миролюбова. Все это есть часть трагической судьбы русского народа и поэтому, думаю, воспоминания будут любопытны всем, кто интересуется историей. А нынешние жители бывшего Терийоки — теперешнего Зеленогорска — смогут вместе с автором пройти по улицам родного города и ближе познакомиться с частицей его истории.

Литературное творчество Петра Миролюбова не ограничивается одними воспоминаниями. Им написано большое количество стихотворений, художественная проза, не все еще опубликовано. В этой книге напечатано лишь несколько небольших рассказов, тематически связанных с воспоминаниями, в них автор пишет о конкретных судьбах людей, дорогих ему. Фамилии некоторых главных героев его рассказов изменены, но историю их жизни автор придумал не сам — таковой действительно была сама жизнь.

Не знаю, надеялся ли когда-нибудь Петр Миролюбов, что его произведения будут напечатаны в России, но, несомненно, он желал этого. Теперь можно сказать, что желание сбылось. А это ли не счастье!

Петр Федорович Миролюбов родился 18 февраля 1918 года в Терийоки. Он сам подробно пишет о своей семье, детских и учебных годах, поэтому нет нужды повторяться. Вот только несколько основных вех его биографии, оставшихся за рамками

воспоминаний, которые останавливаются на 1939 годе. После «зимней войны» П. Миролюбов с матерью оказался в Средней Финляндии в г. Ювяскюля. Там он организовал «Оркестр любителей искусства», с которым успешно выступал. В 1949 году семья Миролюбовых переезжает в Хельсинки. Здесь молодой композитор с 1950 года занимается с Русским Гельсингфорским хором. В 1956 году они приглашен дирижировать знаменитым Гельсингфорским балалаечным оркестром, с которым работал до 1986 года. Для оркестра Миролюбов написал несколько оригинальных композиций: Концерт для домры с оркестром в трех частях, «Финская сюита» на темы финских народных песен в четырех частях и др. С 1953 года Миролюбов много занимался с вокальным квартетом «Кимара», он руководил также хором «Местарилаулаят» при Союзе техников-строителей и Хором транспортников Хельсинки. Церковная музыка всегда интересовала П. Миролюбова. Он начал свою музыкальную деятельность со службы регентом в Терийоки, и в 1949 году стал регентом церкви Святой Троицы в Хельсинки, а в 1966 году — регентом Успенского собора в Хельсинки. Им написано несколько крупных духовных музыкальных сочинений.

Музыкальная деятельность Миролюбова получила признание не только русских, он приобщал к русской музыке и финскую публику. Бывал Миролюбов с концертами и в Советском Союзе, в Ленинграде. Последний раз он был уже в России и Санкт-Петербурге — в мае 1992 г., и опять с концертом.

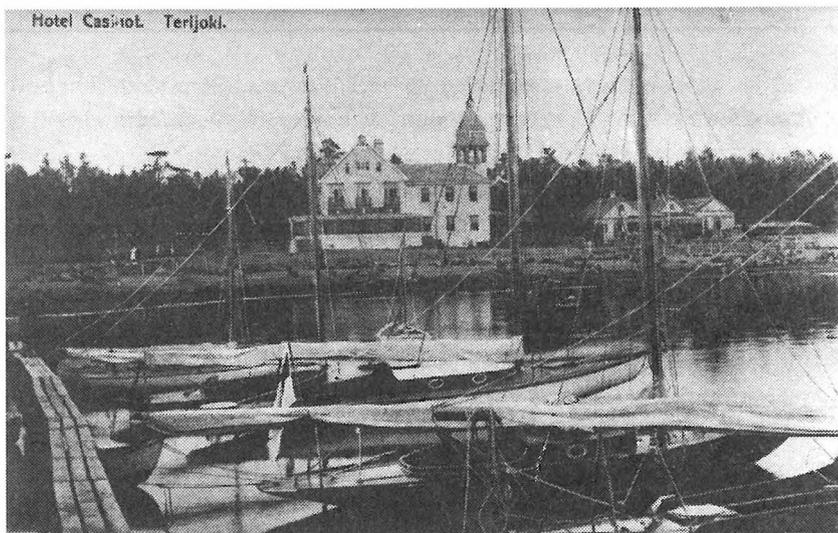
К. Виноградов

ВСТУПЛЕНИЕ

Все то, что связано со словом или местностью Териоки — все это мое детство, мое юношество. Все, что помню, то расскажу в этих воспоминаниях. Возможно, будут неточности, может быть, позабуду что-нибудь. Да прости мне читатель эти промахи. Это наша прошлая жизнь со всеми ее прикрасами и неудачами. Все отошло в историю. Теперь Териок нет — местность называется городом Зеленогорск, жизнь там новая, не наша. Я об этом писал и раньше, но невольно повторяюсь, напоминая читателю, что ни Райвола, ни Келломяки, ни Куоккала, ни Оллила, ни Райййоки¹ больше не существуют — все это в прошлом.

Воспоминания детства, по-моему, как-то отрывочны, они не имеют известной хронологической точности, какие-то отрывки вдруг внезапно возникают перед глазами с поразительной ясностью, а иногда даже упорное напряжение памяти не дает никаких результатов. Все как будто смыло чем-то и унесло в неизвестность.

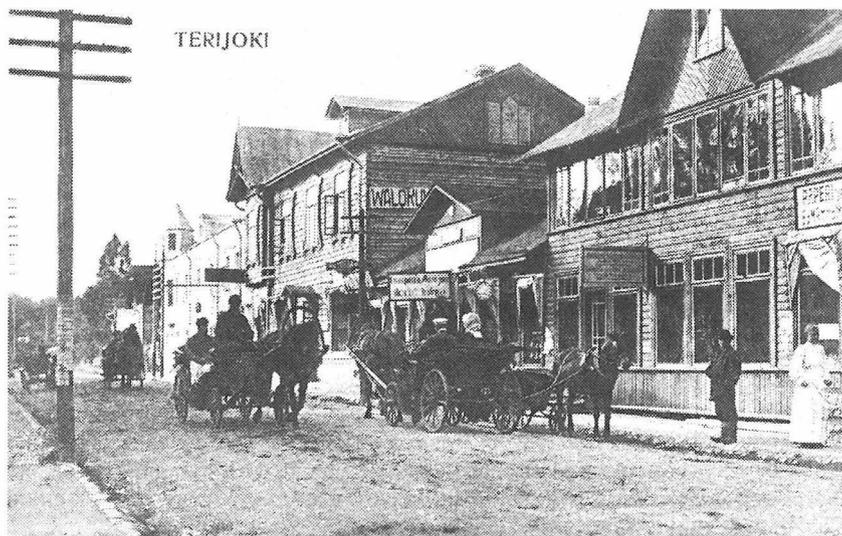
Помню, в 1924 году праздновали 80-летний юбилей нашего великого И. Е. Репина. Множество народа из окрестных деревень направилось в «Пенаты». Был как бы устроен народный праздник. Приехал известный русский хор из Выборга под управлением маэстро П. Я. Шаповалова. На открытой площадке в саду «Пенат» был устроен импровизированный концерт на лоне природы. Помню самого Репина — маленького старичка в широком берете и сюртучке-пиджачке в полоску (красные и зеленые продольные полосы шириной так в два сантиметра). Помню его вслух высказанное мнение по отношению к большевикам. Юбиляр, сидя за столом, встал и грозно сказал: «Иверскую снесли, так им это не пройдет!»... Это осталось в памяти, так как все выходило из рамок обыденности: юбилей гениального Репина. Вспоминая это я невольно припоминаю другой эпизод, связанный косвенно с юбилеем художника. Семья Миролюбовых (папа, мама и я, сын) торопилась на поезд,

Териоки. Гостиница «Казино» (фото с дореволюционной открытки).

времени было в обрез. Папа повел нас «ближним» путем и, не рассчитав териокские переулки, как бы удлинил дорогу, сделав ненужный крюк через товарную станцию. Мы попали в тупик, необходимо было перелезть через товарные платформы и подлезть под стоящие поезда. Так вот, тот кирпич, на который нам необходимо было упираться, карабкаясь на платформу, был отбит, и рельсы были ржавые и поросшие травой. Вот такая деталь почему-то запоминается. Только что приведенный случай, по-видимому, остался в памяти из-за юбилея Репина: нельзя же заставить себя вспомнить, что, например, со мной произошло в тот день, когда поступал в Териокское реальное училище, в 11.30, это невозможно! Жизнь обыденная, повторяющаяся изо дня в день, без сильных потрясений и без особых переживаний, не запоминается, а сразу забывается. К тому же наша жизнь подчас так однообразна и неинтересна, что о ней и писать не стоит.

Останется ли след от нашей жизни или нет, мы не знаем, можем отчасти предположить то или иное. Только потомки, возможно, ухмыльнутся, возможно, поблагодарят или же обойдут молчанием. Вспоминается мне один известный профессор-лингвист, профессор восточных языков, которого судьба забросила в чужую страну, где он не мог применить себя из-за незнания языка. Он был весьма энергичен, работал инспектором русских школ за границей. Неплохой музыкант, он стал преподавателем так называемой совместной игры. В свое время он очень рано окончил университет и получил при нем должность доцента, поехал в научную командировку в Монголию и защитил диссертацию. Революция застала его на чужбине. Незадолго до смерти я с ним разговорился о жизни, о судьбе человеческой, он как-то размяк и

Териоки. Большая дорога. (Фото с дореволюционной открытки.)

доложил, что случайно узнал от приятеля, посетившего СССР, что его учебник монгольского языка был выставлен в одном из книжных магазинов. Приятель приценился, и, удостоверившись в дороговизне учебника, приятно поразился, спросив об авторе сего учебника и получив ответ: «Это ведь наш классик, мы по нему учимся». И далее продавец прибавил: «Он ведь где-то у вас, в Финляндии». Так вот — ни инспекторство, ни музыка, ни представительство, а учебник оставил след профессора в жизни.

Териоки, очевидно, выросли из рыбацкой деревушки, в свое время принадлежавшей к большому селу Кивеннапа. Название произошло от финского названия ручейка-речки: «терва» — смола, деготь (со временем перешло в слово «тери»), «йоки» — река. Так получилось Териоки.² Все южное побережье Карельского перешейка от Райяйоки до Койвисто представляет собой сплошной песчаный берег глубиной в 50—100 метров и длиной до 70 километров. Песок изумительной чистоты, почти не содержит глиняной пыли, можно сказать, морской пляж на 70 километров. Эти природные условия заманивали петербуржцев на отдых, и поэтому в местности от Райяйоки до Тюрисева постепенно стало наезжать большое количество дачников. Говорят, что в самый разгар дачного сезона в Териоки наезжало до 100000 дачников! Вода в Финском заливе была совсем пресная, морской ее никак нельзя было назвать, зато какой была необъятно широкой морская даль! На расстоянии 18—20 км на юг красовался Кронштадт, в хорошую погоду был прекрасно виден купол Андреевского собора и заводские трубы. От Сест-

ры-реки (Райяйоки) до мыса Койвисто по всему берегу строились дачи петербургских вельмож и других богачей. Центральным местом являлись Териоки по своему географическому положению. Териоки стали заселяться в конце 19-го столетия³. Сопоставляя финский поселок Териоки с русским дореволюционным курортом, невольно констатируешь то, насколько этот «городок» был русским. Русская начальная школа была здесь построена в 1880 году, в 1889 году стал самостоятельным православный приход, русское население достигло 50—60 тысяч⁴ человек, в то время как финская община (кунта) была зарегистрирована только в 1911 году, и насчитывала она финского населения в то время только 3500 человек, так что, вне сомнения, можно было назвать Териоки русским местом.

Отрезок времени с 1880 по 1939г., около 60-ти лет, занимает, главным образом, зарождение и смерть РУССКОЙ ТЕРИОКСКОЙ жизни. Для истории 60 лет пустыня, так что происходящее или, вернее, происходившее, для неискушенного читателя, то есть ничего не знающего про Териоки, будет неинтересно. Териоки — это не Париж, не Прага, не Харбин, не Берлин, это маленький эпизод в жизни русского населения, которое в силу мировых условий очутилось внезапно без родины, но которое, не сливаясь с местным населением (хорошо это или плохо для жизни, не будем говорить) сохранило свои национальные черты и особенности, можно сказать, в чистоте. Отчасти этот эпизод можно сравнить, в мировом масштабе — да простит мне читатель эту вольность, — с финляндско-советской, так называемой «зимней войной». Мы называли этот конфликт войной, а в мировой печати говорилось о вооруженных пограничных столкновениях. Повторяю, что для многих местность Териоки — пустое слово, даже для наших гельсингфорсцев, коренных, это — где-то там, на границе. Но для нас, «териокских», все, мною описываемое, вся «та» жизнь — это переживания, это наше прошлое, это наша жизнь довоенная. Все это уже «быльем поросло». Тогда все было актуально, все переживалось остро, все надеялись на «светлое будущее», особенно не думали о завтрашнем дне, все шло своим чередом, как-то что-то устраивалось. Мы учились, по-своему пробивались в люди, некоторые преуспевали, другим везло, а иным было туго, и весьма. Несмотря на неудачи, мы не унывали, у нас была масса свободного времени, мы собирались по выходе из школы и в хорах, и в театральные кружки, организованно и неорганизованно. Мы, можно сказать, жили русской жизнью.

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ МИРОЛЮБОВ

Воспоминания детства отрывочны, бессвязны, и вот, вспоминая отца (я его потерял довольно рано — мне тогда исполнилось 14 лет), я вижу его то сидящим на диване и курящим дешевые «вонючие» папиросы, одетым в серую фланелевую рубашку, в зеленовато-желтого цвета свитер без рукавов, то он вдруг предстает предо мной идущим по улице в крылатке (черная суконная перелина) и в соломенной легкой шляпе, то сидящим между грядок нашего маленького «огорода», одет тогда он был в косоворотку и белый фартук и кепку с козырьком. Иногда вижу его как учителя, строгого, особенно на молитве. Школьники пели всегда громко, вернее, орали. Отец сам начинал: «Ца-рю-небесный» довольно неприятным голосом. После последней молитвы «Преблагий Господи» начиналась проборка провинившихся школьников. Отец очень крикливо ругал мальчишек, а затем показывал на деле, как кто кого «поддал». Он брал «злодея» за плечо или давал подзатыльника. Ученики его боялись, но уважали за справедливость и даже, можно сказать, любили. Вспоминаются также семейные музыкальные занятия: мы с отцом играли — «пилили» дуэты на скрипке. Бывало, собьемся, и я не выдерживал, грубил: «Опять ты наврал, не буду играть». Отец, желая привлечь меня к музыке и таким образом «заставляя» меня играть, оставлял мою грубость без наказания, смалчивал и говаривал: «Ну, не сердись, простился, начнем сначала»... Вижу его как регента, проводящего церковные спевки, на них он часто выходил из себя, его изводили, и тогда он орал... Неожиданно вижу его грозным, можно сказать, свирепым, говорящим матери: «Убери его (это меня), или я его изобью», — тогда я был уж сильно виноват, это случалось очень редко, но бывало! Подчас переживаю вновь уютный вечер, отец читает вслух мне классиков: Диккенса, Вальтера Скотта, Жюль Верна...

Раз я «свернулся» с лестницы, мне было тогда 4—5 лет, полетел барам, завертелся вниз. Мать, конечно, в ужасе, а отец спокойно спросил: «Ну, как, не ушибся, пойдем за покупками». Учился я у него в классе, «боялся» его как и другие. Помню, как-то раз я повздорил с кем-то и продолжал «драться», хотя в классе наступила тишина, это значило, что отец пришел в класс. Отец терпеть не мог неповиновения, он со свирепым видом подошел ко мне и за ухо потащил на мою парту, мне было горько и обидно перед товарищами, но делать нечего, нужно было повиноваться.

Отец каждую перемену приходил к себе наверх на перекур, из экономии (послереволюционное время заставляло экономить) оставлял недокуренные «финисы», как он эти окурки называл, на следующую перемену. Приходил, садился, усталый и нервный, на диван. Нервность обуславливалась безвыходным положением: после «безбедного» существования трудности материального положения чувствовались сильно. В дореволюционной Финляндии отец зарабатывал в три, а то и в четыре раза больше, чем в России, он был преподавателем пения в трех учебных заведениях, да еще получал за регентство — и все это внезапно прекратилось... Было трудно.

Припоминается еще один случай: отец, преподавая в двухклассной начальной школе, был обязан знакомить учеников 2-го класса с началами физики и химии (преподавание в народной двухклассной школе занимало пять лет: 1-й класс — это три отделения, после третьего можно было поступать в Териокское реальное училище, 2-й класс — это два отделения, 4-е и 5-е, где преподавались общеобразовательные предметы как то: география, история, естествоведение и т.п.) Специального педагогического образования мой отец не получил, поэтому ему приходилось основательно подготавливаться к урокам математики. Помню, он часто решал по вечерам задачи по Евтушевкому, иногда по Малинину-Буренину⁵. Много времени занимала подготовка к естествоведению. Случилось раз так. В один из вечеров папа пошел снова в класс, я, конечно, за ним, разместив физические приборы на кафедре: реторты, колбы, ванночки, стеклянные трубки и резиновые. Приспособив все это в надлежащий порядок, отец стал подогревать спиртовой лампой реторту для добывания из марганцовой соли кислорода. Все шло нормально. Папаша то и дело посматривал в книгу — правильно ли, мол, делаю. Добыв кислород, он перешел к водороду, получив который в стеклянную особую бутылочку, стал смешивать с подобной же бутылочкой кислорода. Смешивал он их поставленными друг на друга, мотая, как теперь смешивают «коктейль». помахав достаточное количество раз, он поднес эти бутылочки, раскрыв их «рты», к огню спиртовой лампы. Раздался страшный взрыв, как удар грома. Я страшно испугался и заревел благим матом. И с тех пор почти что до сего времени я боюсь неожиданных ударов гонга, взрывов и т.п. Я боялся свистка паровоза: необходимо было успеть перейти полотно железной дороги, чтобы попасть в реальное училище до появления поезда, так как паровоз свистел как раз у реалки. Прислуживая в териокском храме, я часто маячил около лавки В. В. Пошехонова, чтобы «не испугаться» звона большого колокола.

Звон начинался всегда тремя зазвонными ударами, которые бил церковный сторож Д. И. Иванов с большими паузами: ударит и ждет, пока звуковая волна не прекратится, и снова ударит. Так вот, эти три удара меня всегда заставляли врасплох. Став взрослым, я сам часто звонил в большой колокол и тогда уже не пугался, так как сам назначал ритм удара и был весьма подготовлен к силе звука.

Но продолжу повествование «случая» с опытами отца. На следующий день отец демонстрировал эти опыты перед классом. Я сидел и ждал со страхом той минуты, когда раздастся взрыв. Зорко следя за действиями отца, я «учуял» опасность момента и, когда бутылочки были уже наполнены и кислородом и водородом, и отец стал уже смешивать газы, махая в воздухе бутылочками, и уже старался их поднести к огню лампы... я внезапно сорвался с места и стрелой без разрешения помчался из класса, «спасая» себя от страшного момента. Отец, расщипав на меня за непослушание, приостановил опыт, поставив бутылочки, понесся за мной. Я удирал что есть духу, но он меня все-таки поймал за штанину на лестнице и привел, рыдающего, на свою парту. «Сиди», — сказал он мне. Я, закрыв руками уши и нырнув под парту, тряся от страха и ждал взрыва, но на этот раз у папы все прошло удачно. Этот случай характерен: он не позволил даже сыну своевольничать и наказал, пристыдив перед всем классом.

Кто же был Федор Васильевич Миролюбов, какова его биография?

Отец был родом из Новгородской губернии из погоста Трясово. Неподалеку от Новгорода было две деревни на берегу реки Веронды: на покато́м берегу — Фарафоново и на высоком — Окатово, а в Трясово были погост и церковь. Трясово, вернее, трясовцы, прославились во время Кронштадтского восстания 1921 года. Рассказывают, что, когда «враги» стояли друг против друга, кто-то крикнул: «А трясовцы у вас есть?». «А то как же», — гласил ответ. Так Трясово «вошло в историю».

Река Веронда впадает в озеро Ильмень, речка Видогощь — в Веронду. На слиянии этих двух рек стоит известная железнодорожная станция Борок — оттуда родом моя мать.

Ф. В. Миролюбов являлся младшим сыном в семье священника о. Василия Миролюбова. О. Василий был настоятелем в Трясово и вскоре по рождении Феодора овдовел, а через шесть лет серьезно заболел и скончался. Старшая сестра Феодора вышла замуж за священника о. Петра Белавина, который стал настоятелем трясовской церкви, иными словами, о. Петр пришел в тот дом, где жили три брата Миролюбовы: Михаил, Александр (оба окончили духовную академию) и Феодор. Всех братьев подымала на ноги, т.е. кормила, обшивала, воспитывала их старшая сестра Наталия Васильевна Белавина. Как в то время полагалось, детям священника давали духовное образование, отчасти из традиции, отчасти из экономических соображений. Никто из трех братьев не пошел по духовной линии (хотя и окончили духовную академию), за исключением моего отца. Он ограничился только духовным училищем и духовной семинарией, так как много пропускал из-за здоровья. Учась в Новгородской духовной семинарии, отец сильно заинтересовался музыкой, был так называемым «исполладчиком», т. е. пел

солистом в трио при архиерейских службах, имея звонкое сопрано. Впоследствии под руководством своего учителя духовного композитора Покровского стал регентствовать семинарским хором и оркестром. Препуспев в регентском деле, он, в знак отличия, был переведен ректором семинарии с левого клироса на правый. По окончании семинарии его тянуло продолжить музыкальное образование, но из-за отсутствия средств Федор Васильевич пошел по педагогической дорожке, став сначала учителем грамоты в начальных, или так называемых народных школах, а затем перешел в город Валдай, где стал преподавать в школе по подготовке народных учителей, и оттуда в 1905 году перебрался в Финляндию — в Териоки. Получив семинарское («бурсацкое») образование, отец невольно применял методы «бурсы» в своем преподавании и подчас воспринимался учениками как грубый, крикливый, нервный, но справедливый учитель.

В свободное время он любил играть на скрипке. Скрипка в то время, можно сказать, являлась обязательным инструментом регентов. Папа играл на скрипке еще в юношестве, в Трясово, особенно когда начинались летние каникулы: он брал скрипку и уединялся в садовой беседке, и там «пиллил», как шутливо выражался отец о своей игре. Отец был угрюмым по природе, но в обществе совсем менялся, шутил, любил «пропустить по одной», брал гитару и аккомпанировал «солистам». Вообще, в разговоре он больше молчал, но когда спрашивали его мнение, то был недипломатичен и резал «правду матку». Кроме игры на скрипке он страстно, можно сказать, любил переписывать ноты, и светские и духовные — этим он как бы пополнял свой репертуар. Переписывал он так же и на заказ и ноты и тексты — у отца был каллиграфический почерк. Любил он русскую песню, русскую природу, был завзятым охотником и рыболовом, был русским до корней волос. Он тяжело переживал закрытие государственной границы в послереволюционное время. В 1918 году, когда была объявлена свободная регистрация для возвращения в Россию, то он пошел уже объявляться, но встретивший его о. Григорий отговорил отца, сказав: «Помни, Федор Васильевич, наше имя там — “волчий паспорт”».

Помню, как сейчас, смерть отца. Он был как бы приговорен, больше года мать знала, что его болезнь — рак — неизлечима. Отец умер от рака пищевода, почти что голодной смертью... Утром 13 февраля 1932 года мать меня разбудила рано — отец только что скончался. Я сразу понял, что случилось что-то чрезвычайное. Мы все — нас тогда было четверо: умирающий отец, мать, я и знакомая добродетельная женщина Мария Петровна Ерофеева — те последние ночи спали одетыми, так как ждали со дня на день, с часу на час кончины отца. Он весь как бы высох, худенький он был всю жизнь, а здесь стал совсем скелетом. Рассудок его постепенно помрачался, он не понимал, что ему нужно было делать. Раз ему поднесли чашку с водой, чтобы он глотнул, а он решил, что ему дали чашку для слюны и он туда сплюнул.

«Вставай, папы больше нет», — сказала, разбудив меня, мать. Сознание мое работало: свершилось что-то сверхъестественное, как бы торжественное. Наскоро помывшись и перекусив, я, несмотря на ран-

нюю пору, отправился сообщить о смерти отца в «надлежащие места», как то: старосте прихода, причту церковному, также надо было сходить в реалку и, наконец, добраться до кладбища (оно, кстати, в Териоках было за тридевять земель, т.е. 3—4 километра за станцией). Была суббота первой недели Великого поста по новому стилю. Стояла лютая зима, термометр показывал минус двадцать. Холодно. Сначала я направился к старосте церкви Ал. Вас. Пашехонову. Он только что пришел к себе в лавку. Придя к нему, я почему-то отчеканил: «Федор Васильевич приказал долго жить», — вот именно так — не «папа», а «Федор Васильевич», и не просто «умер» или «скончался», а «приказал...» Староста сразу же принял сердечное участие в постигшем нас горе: «Скажи маме, что все расходы по похоронам приход берет на себя». Он был очень отзывчивый человек и любил и уважал моего отца. Спустя два года он сам скончался от рака желудка.

Сообщив старосте, я побежал в церковь. Там шло приготовление к литургии. Очень торопливо и неясно я рассказал о смерти отца диакону А. А. Быстревскому и о. Михаилу Орфинскому. Неожиданность события произвела на них сильное впечатление, все думали, и они в том числе, что отец еще «протянет». Прослезившись, диакон сказал, что панихиду отслужат часов около двенадцати. Следующий мой пункт — Реальное училище. Явился я туда с опозданием, так как уроки уже начались (занятия начинались в 10 часов), прошел прямо в директорскую и официально (я, как ученик, побаивался нашего директора П. А. Янушкевича) сообщил о кончине отца. Директор тоже сразу взял дружески-официальную позицию и обещал помощь, выразил сочувствие и разрешил всем ученикам присутствовать на похоронах отца.

Далее я шагал на кладбище. Тут уже чувствовалось одиночество, но я энергично шел вперед, зная, что обязан заказать могилу отцу. Идти было далеко, был морозный день, зимний студёный ветер пронизывал меня. Пройдя по проселочной дороге и свернув на узкую, едва протоптанную зимнюю тропинку, я почти утонул в снегу. Дойдя до кладбища и сделав все необходимое, я вернулся вовремя домой. Все эти хлопоты, связанные с похоронами, почему-то врезались в мою память.

Хоронили отца в понедельник (по новому стилю это была вторая неделя Великого поста, а по старому стилю — Сретение). Духовенство взяло на себя риск и отслужило литургию Св. Иоанна Златоустого без особого на то разрешения. Накануне, в воскресенье, в пять часов дня был назначен вынос. Ученики отца, теперь уже взрослые люди, и знакомые прихожане наполнили класс, где стоял гроб с телом перед школьной большой иконой Спасителя, до отказа. Гроб несли на руках до храма. Вся церковная улица была заполнена. Подымаясь по лестнице, ведущей к храму, я обернулся назад и поразился величественному зрелищу: черная лента народа была на глаз нескончаема. Конец, казалось, где-то за аптекой. Говорят, что аптекарь (финн, хорошо говоривший по-русски), спросил кого-то из провожающих: «Кого вы хороните? Генерала или кого знатного, богатого?» Ему ответили: «Нет, нашего учителя». Церковь была тогда набита до отказа, как в Пасху. На следующий день, перед отпеванием, о. Михаил прочувственное

12432

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. ЗОЩЕНКО
Гук "ЦЕС" Квартного района Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434171/57

слово, где он особенно подчеркнул истинно христианскую исповедь моего отца: «Такой глубокой исповеди я еще не слышал». Его слова заставили меня впервые прослезиться, я только тогда как бы осознал, что действительно потерял очень дорогого мне человека — моего любимого отца. Обедня, отпевание, проводы с пением — у нас, териокских, был обычай церковно-обиходный: провожать каждого покойника с пением «Святой Боже» через все Териоки до вокзала. Проводы отца случились в понедельник, но несмотря на будний день церковь была полна, все шло за гробом до вокзала и певчие пели почти непрерывно «Святой Боже». На самом кладбище народу было уже немного, так как поехали те, кто мог — на санях, все присутствовавшие основательно промерзли из-за лютого мороза.

Резонируя после похорон моего отца это событие, в учительской Териокского реального училища один из педагогов выразился так: «Не за знатность, не за богатство, не за положение, а за доброе отношение к людям, за правду, за любовь к человеку — вот за что любим и уважаем был Федор Васильевич Миролюбов! Он был сеятелем доброго, вечного».

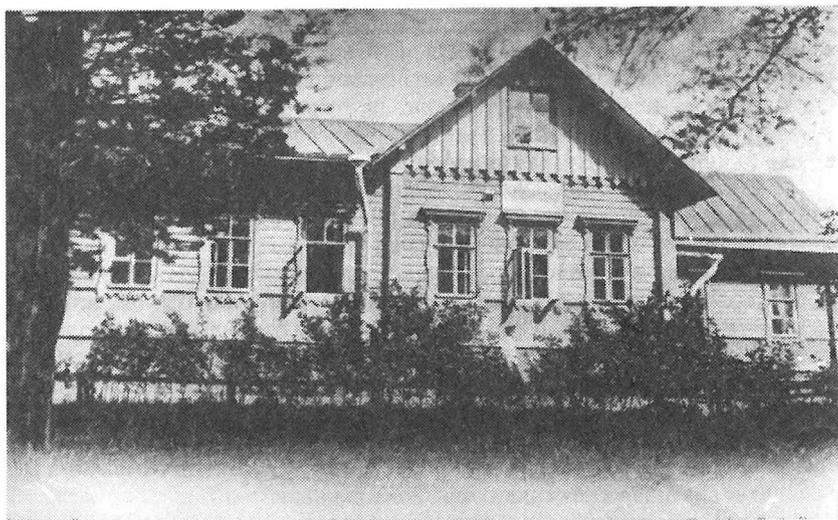
Мой отец не был выдающимся или каким-то очень значительным индивидуумом — нет, он в высшей степени скромный, любящий свое дело и исполняющий свой долг человек. Умирая, он сознавал, что уходит из этой земной жизни. С горечью он сказал моей матери: «Что оставляю я тебе? — бедность и неуверенность в будущем. Спасибо тебе за пройденный путь, ты дала мне счастье жизни». Эти слова были последними. Он, сознавая свою болезнь, никогда не показывал этого окружающим. Вообще, по лицу его трудно было узнать, доволен он или недоволен — у него были густые усы: так, ухмыльнется иногда в усы, и этим ограничится.

Таков был мой отец Федор Васильевич Миролюбов. Он умер в 54 года, половину своей жизни он прожил в Териоках, приехав сюда 27-летним.

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Основанная в 1880 году Териокская Приходская Начальная Школа помещалась в небольшом одноэтажном здании в центре Териок, неподалеку от церкви. Школа носила также название двухклассной, так как имела два класса: 1-й класс состоял из трех отделений, 2-й класс — из двух (впоследствии в том же доме помещался женский интернат). В конце прошлого века количество учащихся, по-видимому, сильно росло и помещение школы становилось тесным. В начале 1900-х годов к первоначальной постройке было пристроено двухэтажное здание с квартирами для учителей. В 1905 году (когда в Териоки приехал из России мой отец) заведующей школой была Валентина Николаевна Абрамовская, родом из города Вильманстранда (Лапеевранта), мать которой — Александра Сергеевна — была также учительницей. Валентина Николаевна вела уроки в классе, окна которого выходили в сторону двора, мой отец же занимался в классе с окнами на дорогу. По всем признакам, школьное помещение часто перестраивалось и притом очень «несуразно», пробивались какие-то коридоры, получались ненужные простенки и т.п. Когда школа стала иметь наибольшее количество учеников (250—300), явилась необходимость пригласить новую учительницу Ириду Сергеевну Благовещенскую, для которой пришлось «выкроить» третью квартиру. В результате наша квартира приобрела «изумительную» кухню, окно из которой, величиной почти во всю стену, выходило в другую комнату (нашу спальню). Вечный полумрак стоял в нашей кухне, свет всегда был искусственный. Нужно сказать, что в Териоках в те годы электрическое освещение было не во всех домах. Электрическая энергия шла из находившейся в Райвола силовой станции, принадлежавшей фабриканту И. Галкину,⁶ и работавшей в связи с лесопильным заводом, причем энергия для освещения подавалась лишь после четырех часов вечера, то есть тогда, когда прекращал работать лесопильный

Русская школа (фото с дореволюционной открытки).

завод. Ранним утром в связи с началом работы завода прекращалась подача световой электроэнергии. Таким образом, довольно большое количество часов в сутки приходилось пользоваться керосиновыми лампами, особенно в зимнее время года. Так продолжалось до тех пор, пока, наконец, не начала работать электростанция при порогах Иматы (это случилось в конце 20-х годов), начавшая подавать электроэнергию в южные и юго-восточные части страны. Но и здесь, в связи с дороговизной электрификации далеко не все дома и предприятия Териок еще в течение многих лет имели электрическое освещение, так, например, Териокское Реальное училище не имело электрического освещения всю историю своего существования. То, что начальная школа освещалась электричеством, было в известной степени заслугой ее заведующей В. Н. Абрамовской. Дело в том, что, когда Райвольский фабрикант Галкин проводил свою «линию света» из Райвола в Териоки, то он, как коммерсант, искал себе клиентов и предложил сделать «отвод» в начальную школу. Удовлетворившись сравнительно сходной ценой, Валентина Николаевна согласилась на это предложение, не спросив даже разрешения у церковного совета, которому подчинялась начальная школа. В распоряжении заведующей имелось несколько бочек с керосином для освещения школы. Она без всяких лишних разговоров взяла и продала имевшийся в ее распоряжении керосин, спрос на который в те годы был большой, и на вырученные таким образом деньги провела электричество в школу. Естественно, что церковный совет не решился бы дать разрешение на проводку освещения в школу из-за дороговизны.

Группа учащихся и учителей териокской начальной школы.

Во дворе начальной школы (фото начала века).

В связи с проводкой электрической осветительной сети, может быть, не лишне будет для некоторой характеристики тогдашней жизни отметить, что учреждения, такие как русская школа и церковный совет не имели даже своих телефонов. Телефонные аппараты, правда, продолжали красоваться на стенах с обрезанными проводами. Телефонная сеть была приведена в негодность еще в годы гражданской войны.

Так было в двадцатые и тридцатые годы...

Школу всегда можно назвать «вдохновительницей» населения, особенно сельскую школу. В школе, можно сказать, проходит вся духовная жизнь села, местечка, города, особенно в маленьких местах школа играет большую воспитательную роль. Ежедневно, часов около 7—8 вечера в помещении школы начиналась «жизнь самодеятельности». В школе собирались кружки хоровые и театральные, проводились репетиции, спевки. Большие приходские собрания происходили также в помещении школы и бывали обычно весьма бурными... Много видели стены школы...

По воскресеньям в помещении школы проводились беседы в сопровождении «туманных картин» (кинофильмы были в то время слишком дороги). В 20-х годах русская колония в Териоках была многочисленна, поэтому часто приходилось нанимать для выступлений более крупные помещения, например «Общественный дом» («Сеурахуоне») и др. Позже, однако, ряды русских начинали редеть, и публику уже становилось труднее собирать в большом помещении «Общественного дома», окупить которое становилось все труднее и труднее. В школе стали устраивать сцену и декорации, эстраду для концертов. «Гвоздем» сезона была всегда рождественская елка и Новый год. Уже начиная с осени шло разучивание рождественских песен. В программу входило также чтение стихов, инсценировка басен Крылова. Народу в школе во время каникул всегда набиралось до отказа. В Териоках обычно устраивались две елки — одна в начальной школе, другая в Реальном училище. Ребятам раздавались «сладкие» пакеты, а также безумно вкусный красный лимонад. Детей неимущих родителей угощали кофе и булкой, средства на это давало «Общество имени Матильды Вреде», председателем которого была В. Н. Абрамовская.

Ежегодно устраиваемая Елка заканчивалась танцами, причем танцевали не только дети, но и взрослые. Вспоминается мне один трагикомический случай, произошедший на одной из таких рождественских Елок. Заметил как-то присутствовавший на Елке директор Териокского Реального Училища Павел Алексеевич Янушкевич пришедшего на вечер подвыпившего ученика училища. Учув опасность дисциплинарного порядка, директор распорядился принять меры к удалению нарушившего школьные порядки, тем более, что случай этот произошел во времена так называемого «сухого закона», когда употребление спиртных напитков строго каралось, особенно если это происходило в помещении школы, тем более русской. Итак, недолго думая, директор решил вызвать полицию. Мой отец, однако, рассерженный поступком директора, в особенности потому, что появившийся на вечере выпивший человек оказался бывшим учеником начальной школы, решил во что бы то ни

стало «спасти» его. Пока директор ходил за полицейским, мой отец с помощью сторожихи Кати «убрал» этого ученика на чердак, и пришедший с директором на вечер полицейский, прождав полчаса, пока директор пытался найти пьяного, заметив, что вечер в остальном проходит в школе нормально, решил покинуть школу, оставив директора в растерянности. Подождав немного, папа попросил сторожиху увести проказника из школы. Инцидент был исчерпан.

Маленький рассвет и благоденствие в нашей териокской жизни наступили в 1923 году. В этот год объединение «Земгор» (Земское городское объединение)⁷ открыло для неимущих учеников интернат и для девочек и для мальчиков. Это событие подбодрило русских, находящихся в Финляндии. Помещение школы очень подошло, так как часть его пустовала. Интернат просуществовал до 1930 года.

ЖЕНСКИЙ И МУЖСКОЙ ИНТЕРНАТЫ

«Ну что, Александра Ивановна, по рукам!» — сказал грузный и приветливый представитель Земгора Борис Федорович Никитин, уговаривая мать стать заведующей интернатом. Это происходило весной 1923 года. Осенью того же года открылся интернат для девочек. Размещался он, как я уже сказал, в помещении начальной школы. Нужно было найти для него оборудование и наладить обслуживание. В начальной школе места было хоть отбавляй, занятия велись только в двух классах, два остальных даже не отапливались. И вот дело закипело, и в течение весны и лета все было в надлежащем порядке. Один из классов был приспособлен под спальню для девочек, там помещалось, кажется, двадцать кроватей. В соседнем классе, который был перегороден, находились столовая и (за перегородкой) раздевалка и место для приготовления уроков. Кухня школы теперь стала кухней интерната. Там поселилась кухарка и уборщица Катя Баранова с дочерью Антониной. На кухне велись важные дела, готовились обеды, пеклись пироги и т. п. Осталось в памяти, не знаю почему, ощущение вкуса рисовой каши с маргарином — вкуснее каши не едал ни раньше, ни позже. Обеды были весьма «примитивны» по разнообразию блюд: «Ши да каша — пища наша». Средства были скромные и приходилось выгадывать. Земгор оплачивал помещение, заведующую, кухарку и содержал нуждающихся в помощи детей. Были также и своекоштные.

Программа дня была обычно однообразная, школа назначала ритм и сущность интернатской жизни. Утром чай с хлебом, по воскресеньям «кофе» — ячменный, с булкой. Перед едой прочитывалась всегда молитва. После утреннего чая девочки отправлялись в школу или реальное училище. Мать строго следила за порядком вообще и за внешним видом воспитанниц. Дисциплина была строгая. После девяти часов вечера не разрешалось приходить с прогулки, на это требовалось особое разреше-

ние. Вопрос спиртных напитков тогда не был проблемой, так как в стране был «сухой закон» и напитки крепкие пить в общественных местах запрещалось. Должен сказать, что исключений в этом смысле было очень и очень мало. Среди девиц подобного совсем не наблюдалось. Мать была обязана следить, чтобы все воспитанницы были одеты по форме — в серые халаты.

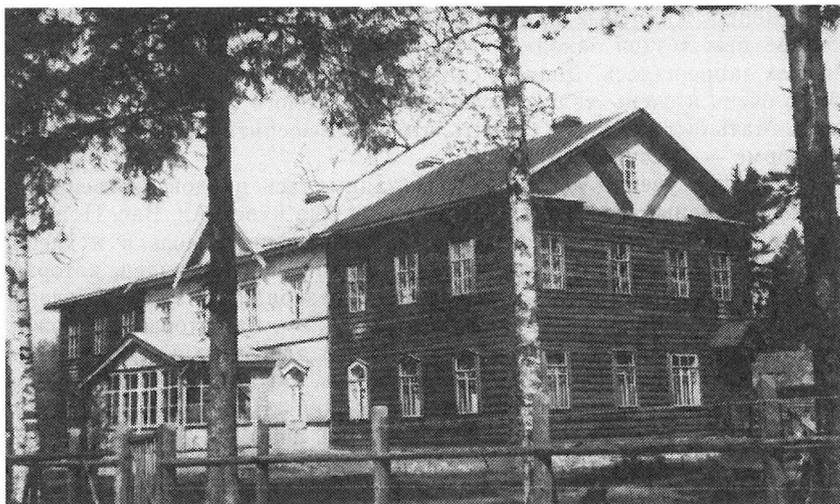
Отправив учениц в школу, мать занималась продовольственными делами. Главным поставщиком интерната был купец Ал. Вас. Пошехонов: у него закупалось почти все, за исключением молока и хлеба. Молоко поставлял молочник, а хлеб — финн, некто Линден, который кое-как говорил по-русски. «Хлебник» был безобидный человек, маленький, щупленький, весьма любил «этих русских», на которых немножко разжился и приобрел новый крытый фургон для хлеба и впоследствии очень жалел, что его клиенты прекратились. На праздники старались улучшить стол, это касалось праздничных каникул. Большинство интернатских разъезжалось по домам, оставались лишь те, которым некуда было ехать. Вот для них мать старалась что-то устроить. Пеклись специальные полусладкие булки, на Пасху что-то вроде куличей, также красились яйца. Помню хорошо, что на масленицу пекли блины из гречневой муки.

Териокские будни были довольно однообразно скучны. Местечко просыпалось довольно лениво. Мимо интерната по улице проходили спешившие на работу знакомые. Подъем интернатских был примерно в 6.30 утра, в 8 часов собирались на утренний чай, девочки, конечно, глазели в окно и видели одних и тех же людей каждый день — по ним можно было сверять часы. Перед школой был маленький сад, где можно было поиграть и побегать. С другой стороны был наш «огородик» и баня. В свободное время (после обеда и по субботам и воскресеньям) можно было «бегать» по саду и играть в лапту. В дождливую погоду разрешалось проходить в пустые классы и играть на рояле. Напротив интерната, наискосок, была булочная «Сакси». Хотелось иногда вкусного, и туда ходили покупать на марку «лом» — остатки от пирожных.

Как я уже упомянул, перед едой и после еды прочитывалась молитва. Полагалось всем воспитанницам ходить в церковь — каждую субботу ко всенощной и в воскресенье к обедне. Перед Пасхой в Великий пост все интернатские должны были говеть, тогда их после Причащения угощали свежей булкой и ячменным кофе. На Рождество и Пасху Ал. Вас. Пошехонов присылал «вкусные» пакеты — закуски, чай, сахар, гостинцы. Пакеты предназначались специально для тех, кто оставался на праздники в интернате, у кого не было средств для поездки домой или кто был сиротой.

Так жил териокский интернат для девочек.

Если мне не изменяет память, мужской интернат открылся через год после открытия женского — осенью 1924 года. Первоначально для него была арендована дача Руновой недалеко от церкви. Насколько удобным было выбрано место для женского интерната, настолько неудобно для мужского. Мальчикам надо было приходиться на «кормежку» в помеще-

Териокское реальное училище.

ние женского интерната. К тому же, если женский интернат все восемь лет своего существования размещался в одном здании, то мальчики переезжали с одной дачи на другую. Воспитатели тоже все время менялись.

Первым воспитателем был генерал Александр Николаевич Козловский.⁸ Он был видный, красивый мужчина: приятное лицо с бородой, расчесанной на обе стороны, как бы удлиненные бакенбарды, уже седые. Человек он был по природе мягкий, тактичный, по-военному требовательный. Он не так строго обращался с воспитанниками, как моя мама с девочками. День в мужском интернате начинался так же, как и в женском, т. е. с утреннего чая, затем парни уходили в училище и шли на обед в начальную школу, после чего отправлялись к себе. При таких условиях было труднее проследить четкость повиновения, этим и объясняется некоторая «свобода» в обращении воспитателя с воспитанниками.

Через два года интернат был переведен в помещение бывшей ремесленной школы на территории реального училища. Помещение было удобным и по месту расположения и по своим размерам. Дисциплина в интернате стала строже — у воспитателя все было на глазах. Все были довольны — и Земгор, и Териокское реальное училище. Но недолго это довольство продолжалось. В одно февральское утро нас разбудил страшный грохот — вбежал Борис Симановский, вернее, вломился и страшным голосом сообщил: «Мужской интернат догорает!» Да, случилось несчастье — в результате пожара сгорел дотла дом, в котором жили воспитанники. Пожар произошел из-за нарушения одного из нелепых запретов в интернате — нельзя было слушать радио, так как

Беженцы из Кронштадта на Териокском вокзале. 1921г.

оно «мешает приготовлению уроков и ослабляюще действует на дисциплину». Радиоприемники в то время — 1927 г.— были редкостью, но некоторые имели самодельные детекторные приемники, был такой и в интернате у Н. Несмотря на запрет, радио слушали тайком, принимали программы из Ленинграда (Союз было слышно лучше всего). Н. приобрел наушники для радио и сдавал их в «аренду» за плату всем желающим — под кроватями были проведены провода и к ним подключались наушники. Слушали тайно под одеялом и в темноте. В тот трагический вечер шла по радио из Ленинграда «Пиковая дама». Один из воспитанников стал ощущать в наушниках какие-то посторонние шумы, он разбудил товарища и попросил его поправить детекторный контакт. Тот побежал на чердак, где в опилках был спрятан приемник, поправил контакт и... оставил там свечу. Эта оплошность стоила дорого — интерната не стало! Истинная причина пожара установлена не была, а официально признали, что огонь возник из-за плохого состояния дымохода и присутствия на чердаке опилок.

После пожара произошли изменения в мужском интернате. Воспитатель А. Н. Козловский, получив нервный шок, покинул свой пост и временно его дело стал вести Василий Васильевич Брайтвайт, актер-любитель и режиссер. Воспитанники переехали на дачу известного петербургского адвоката Казаринова, в ней жила семья Брайтвайт. На следующий год был приглашен аркадий Алексеевич Сабанеев — офицер, человек несчастный, подозрительный, болезненный, он был трудным воспитателем и не очень любимым из-за своих странностей. Сабанеев был всего один год. Осенью 1928 г. поступил в воспитатели земгорец Иван Ефремович («Хрен Ефремович») Орешин. Он был филолог и

историк, писал записки по русской истории, позднее был преподавателем русского языка в Русском лицее в Хельсинки. В Териоки он попал из Кронштадта (вообще, мне помнится, что почти все наши воспитатели, за исключением В. Брайтвайта, были кронштадтские беженцы),⁹ он иногда говорил, что его учеником в Кронштадте был известный ученый Капица. И. Е. Орешин был последним воспитателем мужского интерната.

Время подходило к «закату» интерната. Земгор закрылся, средства иссякли, и в 1930 году интернат закрылся, тогда же закрылся и женский интернат. Реальное училище продолжало существовать, так что особенно на его работе закрытие интернатов не отразилось. Те воспитанники, которые были на иждивении Земгора, продолжали учиться бесплатно, приход старался поддержать училище, насколько это было возможно. Оборудование интерната, простыни, одеяла, кровати и т.п. были розданы нуждающимся. Воспитатель И. Е. Орешин переехал в Хельсинки. Помещение начальной школы как бы захирело, но не надолго, так как в скором времени начал действовать кружок молодежи, который организовался при Комитете имени Матильды Вреде, о котором ниже.

После закрытия интерната мать осталась не у дел. Отец продолжал заниматься в школе, учеников становилось все меньше и меньше. Материальное «благосостояние», дарованное нам интернатом, прекратилось, но мать и отец, как мне казалось тогда, не унывали и я не ощущал известного безденежья, а, наоборот, верил, что вся жизнь впереди.

Могу закончить об интернате «армянской» загадкой. Спрашиваем: «Что общего между детекторным радиоприемником и свечей?» Ответим: «Пожар териокского мужского интерната!»

ТЕРИОКСКОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ (Т.Р.У.)

В «Приходском листке» за 1914 года говорится об учебных заведениях Териок следующее: «...Наконец-то открыто в Териоках и Правительственное Реальное Училище (дотоле в составе 2-х классов: в текущем году открывается и 3-й класс); все содержимое этого училища приняла на себя Имперская казна, приход же дает от себя только помещение, арендованное им для училища, до времени постройки училищем собственного здания. Училище имеет обслуживать местность преимущественно от Белоострова до Перкиярви... Директором училища состоит Ст. с. (статский советник) Вл. М. Мелиоранский...»

В 1915 году был открыт 4-й класс, затем 5-й, 6-й и... наступает Октябрьская революция, граница с Россией закрывается, субсидия училищу прекращается. Педагогический состав лишается заработной платы, насущного хлеба... Что делать? Что предпринять? Следует при этом отметить, что состав педагогов в «мирное время» назначался Министерством народного просвещения и образовательный уровень педагогов был весьма высоким: все учителя имели законченное педагогическое образование. Педагогами училища были: преподаватель высшей математики профессор С. И. Войтинский, художник Д. М. Палатко, композитор С. С. Лаппо-Данилевский (он преподавал математику) и др. В 1917 году поступила в ТРУ Мария Афанасьевна Безрукова — она приехала «отдохнуть» от Петрограда, подлечить свой организм от переутомления, приехала по объявлению и поступила репетиторшей-бонной в семью доктора Боткина (он имел дачу недалеко от старой териокской церкви, в 1924 году в нее переехал известный генерал Двора Его Императорского Величества Владимир Николаевич Воейков¹⁰).

Наступил 1918 год. Директором училища в то время был В. В. Владимирский. Приход принял на себя хозяйственные и организационные дела по училищу. Дела, однако, шли трудно. Не удавалось установить

контакт между директором училища и тогдашним настоятелем отцом Григорием Светловским. Часто проходили «бурные» собрания в приходской церкви, не могли никак сойтись разномыслящие группы: приходская во главе с настоятелем Светловским и педагогическая — с директором Владимирским. В результате все кончилось тем, что в местной териокской газетке (на русском языке) было помещено объявление о наборе педагогов вновь открывающегося Териокского училища. Только два педагога подали заявление, остальные считали себя законными преподавателями на основании постановления министерства народного образования (России), тем самым они поддерживали своего директора и... остались за бортом училища! Состав преподавателей в связи с этим сильно поредел — «насилыно мил не будешь!» — так думали в приходе и набрали новых учителей, которые принялись за преподавание в училище. Некоторое время директором был Пузино, а вслед за ним вскоре руководство перешло в руки Павла Алексеевича Янушкевича (инженера-путейца), которому и было суждено довести училище до самого конца его существования. Такова была вкратце история Териокского Реального Училища — из песни слов не выбросишь!

Новые преподаватели училища были люди с высшим образованием, но не прошедшие педагогического института — люди весьма высокой морали, готовые работать «не на страх, а на совесть»; они оставались подчас без зарплаты, но, несмотря на это, работали не покладая рук, честно и благородно. Вечная им слава — труженикам русской культуры!

Никто никогда не знает, как сложится его жизнь: пойдет ли все по ровной дорожке, будут ли спуски или обрывы или же совсем жизнь оборвется внезапно, или же, наконец, не повезет в жизни и т.д. и т.д. — все это предсказать невозможно, последующее покажет, что принесет жизнь. Есть такая финская пословица: «После услышим,— сказал трубач». Так вот, ныне можно сказать, что Териокское Реальное Училище попало в немалую «ломку», тяжелым оказалось существование этого учреждения, но, несмотря на все это, следует отметить, что в стенах училища всегда царил «русский дух», училище воспитало искренне русских людей.

Я не буду подробно останавливаться на каждом весеннем выпуске училища — для этого понадобилась бы целая книга, ограничусь лишь отдельными сценами из жизни нашей «реалки». Мне пришлось проследить жизнь училища с 1923 года, когда был открыт интернат, пришлось жить в Териоках (в основном безвыездно) почти до эвакуации 1939 года.

Учитывая трудность положения училища в условиях новой обстановки (получение Финляндией независимости), нужно, кроме того, добавить к этому стремление «ведущих училище» к «переделке» всей системы обучения. Переделка эта заключалась в переходе училища в ведение финляндского школьного управления. Для этого являлось обязательным в соответствии с законами страны улучшить преподавание финского языка или, вернее, следовало «удесятерить» число уроков на финском языке. Иными словами, нужно было вести, кроме уроков финского языка как иностранного (что и понятно) ряд предметов на финском

языке. Сюда входили, например, география, финская история и пр., словом, дирекция была поставлена в весьма затруднительное положение, так как при введении «новой» системы преподавания основные русские преподаватели оставались как бы не у дел — на это согласиться было невозможно. Финское правительство требовало безукоризненного знания финского языка для сдачи государственных экзаменов и поступления затем в высшие учебные заведения страны. После очень длительных и трудных переговоров дирекция Териокского Реального училища не согласилась на требования финского школьного управления, вследствие чего были потеряны и обещанные правительством средства для училища. В результате Т.Р.У. оставалось по-прежнему русским училищем, получившим право на существование до 1938 года, в течение этого времени предоставлялась возможность закончить образование тем русским, которые, оторванные от родины, оказались в трудном положении в Финляндии.

Значительную помощь оказал Т.Р.У. так называемый Земгор, который приступил к субсидированию учительского персонала, и заканчивающие Т.Р.У. ученики получили возможность продолжения образования где-либо за границей — в Париже, Праге, Брюсселе, Тарту и т.д. Однако, поступая в иностранный университет, который принимал наши аттестаты, мы должны были до этого изучить иностранный язык, то есть язык той страны, где мы предполагали продолжать образование. Итак, прoucившись два или три года за границей, некоторые возвращались обратно в Финляндию и здесь на правах иностранных студентов и были приняты в финские высшие учебные заведения. Во всем этом была очевидна некоторая «политическая несогласованность», нарочитая ли, случайная ли, или же просто упрямство со стороны финнов или проживающих в Финляндии русских. Бывали нередко случаи, когда закончившие Т.Р.У. ученики поступали затем в финские средние учебные заведения (обычно в 6-й класс), закончив которые, затем получали возможность продолжения образования в финских вузах. Для большинства, однако, это было не под силу по причине недостаточного знания финского языка. Буду смел, если скажу: из-за нежелания изучать финский язык в то время неприязнь между русскими и финнами была обоюдная. С одной стороны, — финны, освободившиеся от власти Российской империи (вековая вражда), как бы старались «прижать» русских за то, что они русские, а жившие в Финляндии русские, в свою очередь, считали себя «прежними хозяевами», не желали подчиняться и лелеяли надежду на «лучшее будущее».

Жизнь шла «по течению». Мы учились по-всякому. Кто был поприлежнее, тот кончал Т.Р.У., ехал за границу, получив стипендию Земгора. Кто учился с ленцой, шел обычно после окончания училища на работы разнорабочим. Условия обучения русских учащихся на Карельском перешейке в начале 20-х годов были в основном неплохие, так как средних учебных заведений было чуть ли не по одному на каждой станции. Точнее: еще до революции было построено кирпичное здание для русской школы в Келломяках. Эта школа сразу же закрылась после революции и здание пошло под финские казармы. Существовала сред-

няя русская школа в селе Райвола (директор Никулин), здесь был интернат. В Перкиярви руководила русской школой Колокольцева. Существовала русская школа и в Уусикиркко (директор Андреевский), здесь ученики собирались на квартирах учителей, своего помещения не было. В Выборге был знаменитый Реальный Лицей. В начале 20-х годов всем этим русским школам оказывал помощь Земгор. Прошло три-четыре года, средства таяли, постепенно Земгор начал прекращать помощь некоторым школам, оставив Т.Р.У., как центральную, в покое. В «реалке» имелось 7 классов (вернее, 6 и добавочный седьмой, куда входила высшая математика). В средних учебных заведениях Райвола и Перкиярви было по четыре класса — здесь были интернаты для немущих детей, этим интернатам усиленно помогал Земгор.

Териокское Реальное Училище помещалось на подаренном для русских училищ крестьянином Д. Игумновым участке за старой железнодорожной станцией. Участок этот граничил с полотном железной дороги. Подойти к училищу было нелегко, приходилось идти по участку старой станции, или кружить по переулкам, которые не всегда были в хорошем состоянии, наконец, также приходилось переходить железную дорогу в тех местах, где не было специального перехода.

Школьный день начинался в 10 часов, кончался в 4 вечера. Интересно отметить, что мы — русские — шли по тротуару с левой стороны улицы до так называемой общественной лавки, затем поворачивали на правую сторону — это потому, что в этом месте нам встречались ученики-финны, наши «враги», они шли с поезда в свой лицей. Нам переходить дорогу слева направо было «необходимо» — в противном случае завязывалась драка финнов с русскими, причем в ход пускались даже кастеты. После таких «побоищ» шла обычно переписка директоров разных училищ, инциденты приходилось урегулировать. Учителя нам советовали не вступать в драки. В поездах, говорят, ученики жили дружнее, там даже русские девушки «флиртовали» с финскими мальчиками (или наоборот).

Здание Т.Р.У. было неказистое. Переделанное из дачи с пристройкой, оно было полно коридорами, различными «закоулками» внутри дома. Освещение в училище было керосиновое, потолки низкие, исходящие из ламп испарения отравляли воздух. Школьный день начинался молитвой, для которой ученики собирались в зал, где читались и пелись молитвы. Девочки и мальчики стояли своими рядами. Приход директора П. А. Янушкевича означал начало молитвы. Как сейчас помню Павла Алексеевича — видного интересного мужчину, с красиво зачесанными назад седыми волосами, усами и маленькой остренькой бородкой. Одет он был всегда в «шелковистый» пиджачок с высоко стоящим воротником, из под которого виднелся белый край воротника рубашки. Помню, как после молитвы директор останавливался в дверях зала и взглядом провожал учеников. Иногда было слышно: «пора постричься» или «халат слишком короткий» (девицы у нас в «реалке» были обязаны носить форму — халат серого цвета, во избежание крикливых мод!)

Вспоминая теперь «реалку», невольно чувствуешь какую-то существовавшую в ней «семейность». «Дух семьи» чувствовал, безусловно,

Последний выпускной акт 1937 года. Бывшие ученики и друзья Т.Р.У.

каждый ученик, каждый воспитанник Т.Р.У. Этой же общей жизнью жил и сам директор училища. Нелегко было ему — инженеру-путейцу, оказавшемуся на чужбине, вести учебное заведение, экономическое положение которого было более чем трудное. Директор Янушкевич был настоящей душой училища, он жил вместе с ним, особенно это чувствовалось во время зимних каникул. Все спектакли для детей были делом его рук. Он придумывал сюжеты, сам репетировал. Декоратором этих спектаклей бывал обычно учитель рисования Д. М. Палатко, музыкальное оформление велось Е. И. Ляшенко (тетей Катей), которая сочиняла песни, была хорошей пианисткой.

Хороши были выпускные акты. Стол накрывался синим сукном. Директор, облаченный в жакет, взволнованный, выступал с докладом. Он подробно пояснял состояние училища и затем переходил к раздаче аттестатов, которые он «окрашивал» разными словами — в зависимости от успеваемости выпускника. В большинстве случаев характеристика выпускникам давалась положительная.

Павел Алексеевич Янушкевич бывал иногда у нас дома. Он заходил обычно «на чашку чая» после заседаний дирекции. Сидя за столом, он очень живо переживал обсуждавшиеся дирекцией вопросы, нервничал и сетовал на условия жизни. Мой отец часто очень недипломатично критиковал директора, говоря: «А кто во всем виноват? Никто иной, как сам голова — директор училища!» Часто кончалось тем, что директор уходил от нас рассерженный, не попрощавшись.

Несмотря на горячность, и некоторую нервность Янушкевича, ученики любили его — своего «видного» и «представительного» директора.

Нелегко было Павлу Алексеевичу в годы так называемого «нового бедствия» после эвакуации Териок в 1939 году. Как-то я встретил его в год между «зимней» и второй мировой войнами. Наша встреча произошла в селе Йоутса в Средней Финляндии, недалеко от города Ювяскюля. Он присутствовал на одном из вечеров, устроенных в пользу эвакуированных с Карельского перешейка. Совершенно случайно мне пришлось играть и аккомпанировать на этом вечере. Павел Алексеевич был очень тронут, увидев меня, ведь для него эта встреча была как бы свидетельством «преуспеяния» его бывшего ученика. Эта наша встреча оказалась последней. Павел Алексеевич умер в Хельсинки в 1943 году. Он похоронен на Хельсинкском православном кладбище. В знак признательности и любви к своему директору бывшие ученики собрали деньги и поставили на его могиле небольшой памятник. Вечная память тебе, дорогой Павел Алексеевич!

Правой рукой Павла Алексеевича был инспектор Анатолий Михайлович Чельцов. Он обладал особым даром — спокойно и быстро наводить дисциплину. А. М. Чельцов был также хорошим преподавателем математики (по образованию он был горным инженером). У Чельцова был сын Владимир (Мирик) — очень милый и нерасторопный мальчик, мне иногда приходилось с ним играть. В 1930 году Чельцовы (его жена преподавала русский язык в младших классах) уехали в Африку в Марокко, где и обосновались. Мирик был убит на войне.

В 1925 году поступили в училище Павел Павлович (преподаватель математики и физики) и Мария Ивановна (преподаватель русского и истории в младших классах) Ивановы. С Павлом Павловичем многое связано в жизни нашей «реалки». П. П. Иванов — бывший офицер русской армии, очень отзывчивый, весьма любивший детей, очень требовательный. Чета Ивановых была очень дружная, они были бездетны, богомольны, ходили на каждую службу в церковь, активно участвовали в делах благотворительности, а именно в сборе средств на поддержание училища. С «Пал Палычем» связано одно, я бы сказал, странное и весьма неблагоприятное действие местных финских властей по отношению к нашему училищу. У нас не было уроков гимнастики как таковых, так как не было преподавателя. Была, вроде, спортплощадка, на которой играли в лапту и в футбол, зимой ученики бегали на лыжах, но все это проходило неорганизованно. И вот как-то прошел слух, среди года, что у нас будет введен урок гимнастики. Сначала мы недоумевали — кто же будет учителем. Оказалось, никто иной, как «Пал Палыч». Он, бывший офицер, был, очевидно, неплохим спортсменом. Сказано — сделано. Объявили по классам часы занятий (сначала для мальчиков), соединили младшие классы в одну группу, старшие — в другую. Начались уроки, интерес к ним был огромным. Но неожиданно уроки эти прекращаются. Почему, что за причина? Все в недоумении. Оказывается, занятия запретили местные власти, так как, якобы, на это не было получено особого разрешения от школьного управления. Об истинной причине говорили шепотом: преподаватель гимнастики — бывший военный, он «подготавливает восстание», проводя военные построения на уроках гимнастики. Абсурд! Вспоминая этот момент в истории

Т.Р.У., в котором школьная программа была абсолютно вне политики, можно назвать его прискорбным и даже позорным для финских местных властей. Помнится, что Ивановы сравнительно недолго работали в «реалке» — пять-шесть лет, потом они уехали в Америку.

Преподавание языков в училище было поставлено не очень хорошо. Государственный финский язык преподавался вообще скверно — до прихода Евгении Николаевны Вальман. Не любя финский язык, не имея хороших учителей, мы кое-как на нем читали, плохо переводили, а писать и совсем толком не умели. Евгения Николаевна взялась за нас, но, к сожалению, количество уроков было минимальным, да и появилась наша «финка» на нашем горизонте слишком поздно.

Говоря об учителях, нельзя не сказать о Димитрии Михайловиче Палатко — художнике с приемами старой русской школы. Рисование в реальных училищах в дореволюционной России было поставлено прекрасно. Д. М. Палатко был одним из представителей старого поколения педагогов. У нас был очень неплохой рисовальный класс, хорошо оборудованный. Димитрий Михайлович был очень увлекающийся учитель. Под его руководством учащиеся старших классов рисовали декорации для новогодних сказок, ставившихся на сцене училища. Помимо основного занятия — рисования, он любил пение и руководил небольшим школьным хором (помню, пелись украинские песни — Палатко был «хохол»). В 1933 году Димитрий Михайлович с супругой уехали из Териок во Францию или Бельгию — к дочери.

Учителем русской словесности был Михаил Гаврилович Чистосердов (бывший мировой судья, тот самый, который в период захвата дворца М. Кшесинской большевиками, сказал: «На это вы (т.е. большевики) не имеете никакого права»). Проживал Михаил Гаврилович на ст. Келломяки и каждый день ездил на поезде в Териоки, был очень пунктуален — по нему можно было сверять часы. В 30-х годах он овдовел и переехал в Териоки. Поселился он сначала в начальной школе — у нас за стенкой. Чуть ли не каждый день заходил к нам на чашку чая. Он был очень эрудированным человеком, интересным собеседником, при его живом участии и руководстве ставились драматические спектакли на сцене нашего училища. Помню как они с отцом в шутку собирались «пересилиться» в Перу — в то время это было весьма актуально, многие искали лучшей жизни, и действительно уезжали, попадали в ужаснейшие условия и нередко погибали. Никуда мой отец с Чистосердовым, конечно, не поехали, все ограничилось только «мечтами». Последняя моя встреча с Михаилом Гавриловичем была в 50-х годах на вечере Т.Р.У., умер он в 1957 г. и похоронен на православном кладбище в Хельсинки.

Наша «реалка» многое перевидала. Были и весьма знаменательные дни, как, например, посещение Т.Р.У. великими мира сего: Илья Ефимович Репин и ученый-физиолог И. П. Павлов посетили наше училище в 20-х годах!¹¹ В послереволюционное время многие проезжали через Териоки. Была здесь и даже дала вечер в пользу Т.Р.У. знаменитая балерина Анна Павлова. Также пианист и дирижер А. Зилотти¹² был проездом в Териоках. Узнав тяжелое положение русских, Зилотти ре-

шил дать концерт в пользу училища. Помещение школы для выступления было неудобным, главным образом по причине отсутствия хорошего инструмента. Стали искать другое помещение, и кто-то надумил пойти к директору финского лицея и попросить инструмент для Зилотти. Представители Т.Р.У. пришли в лицей, объяснили трудность положения и просили разрешить устроить у них концерт Зилотти. «Только через мой труп может войти русский в нашу школу», — таков был ответ директора лицея. Это еще один небольшой штрих к взаимоотношениям русских и финнов. (А концерт Зилотти все-таки состоялся).

Мой рассказ о «реалке» подходит к концу. В 1932 году (год смерти моего отца) был последний набор учащихся в первый класс. В следующем году первый класс был уже закрыт. Последний выпуск Т.Р.У. был в 1937 году. Почти 25 лет просуществовала наша «реалка», но после закрытия контакт между учениками и преподавателями не прекратился. Первый слет бывших учеников Т.Р.У. состоялся в 1946 году, следующий в 1948, потом был перерыв, а затем встречи возобновились, и теперь мы, «реалисты», собираемся каждый год, и даже границы государств не являются для нас препятствием — мы переписываемся.

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

«Церковь посреди села», — говорит финская пословица. Церковная жизнь — один из основных факторов существования любого местечка, в том числе и Териоки. Исторические данные свидетельствуют, что первая деревянная православная церковь была построена в 1881 году купцом Дурдиным и потому получила название «Дурдинская». Приписана она была к Райвольскому приходу (там церковь была построена на год раньше). В 1898 году русские, проживавшие в Териоках, решили сами организовать свой приход, открыв вакансию священника и диакона. Приход оказался состоятельным и смог свободно содержать и первого и второго. Деревянная церковь сгорела в 1907 году. Быстро построили временную церковь — напротив погоревшей, с другой стороны Келломякской морской дороги, на том же участке был дом диакона. Временную церковь соорудили из летней дачи. Богослужения во временной церкви продолжались 6 лет. В 1913 году был освящен придел св. Сергия Радонежскому в новой каменной церкви, которая была построена на средства прихожан. В следующем 1914 году был освящен весь храм в честь Казанской иконы Божией Матери. По архитектурной композиции он являлся одним из привлекательнейших храмов всей Скандинавии.¹³ Построен храм был на видном месте — на соединении Выборгского и Келломякского шоссе. Эта церковь привлекала взоры каждого, мимо проходящего, она стояла как невеста в подвенечном наряде, особенно прекрасна она была при солнечном освещении. Большой колокол весом в 305 пудов был пожертвован богачом А. М. Александровым. Масса жертвователей принимала участие в украшении храма.

Приход можно назвать богатым, так как ризница, утварь — великолепные, церковные книги и ноты самые что ни на есть «свежие», нотная библиотека тоже в духе времени, например, полное собрание сочинений Д. С. Бортнянского. Духовенству работы хватало, даже очень: свадьбы,

*Старая деревянная церковь («Дурдинская»)
(фото с дореволюционной открытки).*

крестины, молебны, панихиды, отпевания в церкви, и к тому же — парадные обеды с молебнами и официальные обеды весьма заполняли будни и праздники и отчасти утомляли и священника и диакона.

Первым настоятелем-основателем прихода был о. Петр Поташев, весьма деятельный и идейный человек. Он умер в 1917 году и похоронен, как основатель прихода, под церковью, с южной стороны. Умершего священника заменил прибывший из Савонлинна священник Григорий Светловский. Светловский родился в 1872 году в с. Лохново, которое находилось неподалеку от Старой Руссы в тогдашней Новгородской губернии. Г. Светловский окончил Новгородскую семинарию, учительствовал в Бологом, где женился и, очевидно, по приглашению Петра Поташева (который родом тоже из Новгорода) переехал в Финляндию в 1889 г. в город Вильманstrand (Лапеенранта), где занял должность псаломщика. В сан священника Светловский был посвящен в 1890 году в Выборге епископом Антонием, финляндским архипастырем. В течении 17 лет Г. Светловский занимал должность настоятеля Савон-

Храм Казанской иконы Божией Матери.

линского прихода, и после смерти П. Поташева приехал в Териоки, где и был настоятелем прихода до 1925 года. В следующем 1926 году он основал в Выборге так называемую Покровскую общину, которая во время «зимней войны» эвакуировалась в Хельсинки. Умер о. Григорий в Хельсинки в 1948 году.)

После отъезда Светловского должность настоятеля занимает священник Михаил Орфинский. Родился он в 1873 году в Петрозаводске. Герой первой мировой войны, награжден за храбрость золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, контужен. После войны приезжает в Выборг, позже получает место священника небольшой церкви у станции Мустаямки, а затем становится настоятелем териокского прихода. В 1939 году эвакуируется с приходом в Ярвенпяя, где и был священником в церкви. Умер в 1947 году.

В Териоках православное население было преимущественно русским, если и встречались карелы, то и те были русскоязычными, так что вопрос языка при богослужении не стоял, церковное управление Фин-

ляндии смотрело, что называется, сквозь пальцы, на незнание православным духовенством финского языка. До революции это вообще никого не интересовало.

В 1918 году закрылась граница и приход оказался «на чужбине». Все это так или иначе отразилось на жизни прихода. Сначала было весьма и весьма непривычно и трудно, а со временем, благодаря «центральному» положению Териок, приходская жизнь приобрела новый ритм и как-то приспособилась к новым порядкам. «Свято место пусто не бывает», — говорит русская пословица. Жизнь продолжалась, люди, несмотря на междоусобную войну, также ходили в церковь. Мой отец сильно переживал это безвременье. До закрытия границы отец регулярно проводил летние каникулы у себя на родине. В териокской церкви летом пели певцы из платных хоров из Петербурга (до революции). После закрытия границы это моментально прекратилось. Отцу пришлось переорганизовывать хор из случайного на постоянный любительский. Работы прибавилось. Школы, в свою очередь, стали закрываться (закрылись женская гимназия, обе ремесленные школы, а также две начальные школы). Заработок сильно сократился, зато стало больше времени для занятий-спеков с церковным хором.

В териокском храме певчие пели обыкновенно на хорах (наверху), иногда на клиросе (внизу). Через хоры надо было проходить звонарю, дабы подняться на колокольню для благовеста или трезвона. Здесь невольно вспоминается церковный сторож Дмитрий Иванович Иванов. Человек небольшого роста, плотный, с небольшой аккуратно подстриженной бородкой, очень быстрый, расторопный и находчивый — он как нельзя лучше подходил к должности сторожа церкви. Помню его, как сейчас, одетого в форменный сюртук с галунами, с военной выправкой, быстро и неслышно подойдет, свечу вынесет и опять скроется. Дмитрий Иванович успевал во время будничной обедни быть и за сторожа, и за звонаря. Звонил он очень искусно.

Перед Рождеством и Пасхой я любил ходить помогать убирать церковь (некоторые считали своим долгом помочь Дмитрию Ивановичу). Помню, что-то у меня не ладилось с коврами и я «застрял», а сторож не любил ненужных помощников, так как после них надо все переделывать — так он живо мне махнул: «Ишь тебя заело с коврами, как Суворова с пирогами». Помню еще случай — незадолго до «зимней войны». Я ездил учиться в Выборг и мне часто давались поручения, обыкновенно насчет «горючего». Наступает Пасха, и дядя Митя обращается ко мне с просьбой привезти «два литра». Я привез и передал ему «горючее», он бережно спрятал его в церковную кладовую, чтобы дома не знали. Нужно же было случиться так — перед Вербным Воскресеньем, выходя вечером после службы дядя Митя вынул драгоценный «горючий» пакет и понес его домой в сторожку, и закрывая двери, он выронил этот пакет, и его содержимое разбилось вдребезги... Пришлось мне ехать еще раз за этим «продуктом». «Долг платежом красен», и Дмитрий Иванович не остался передо мной в долгу: раз, приехав из Выборга и пойдя в сарай за дровами, я увидел их целую гору наколотых — оказывается, наколот такую массу дров дядя Митя!

Остался у меня в памяти ремонт храма в 1924 году (в этом же году было в Териоках сильное бедствие — ужаснейших ураган, наводнение, принесшие большой урон).¹⁴ А в 1925 году в церкви был пожар: загорелись дрова. Пожар продолжался с трех часов пополудни до шести утра. Это событие потрясло все Териоки. Бесперывная цепь подающих воду — солдаты, пожарные, прихожане, ученики Т.Р.У., начальной школы — все участвовали в спасении только что отремонтированного храма. Я, тогда только что поступивший в начальную школу, сильно переживал случившееся, долго не мог заснуть, а наутро первый вопрос мой был: «Мама, что церковь — еще не сгорела?» Да, своды церкви выдержали пожар... Повреждения были большие: кроме покраски, которая вся была испорчена, сгорела половина алтаря и сильно закоптились ризы и пелены, которые использовать было уже невозможно. После пожара церковь вновь стали ремонтировать, но долго еще внутри пахло гарью, которая въелась в стены и в иконостас, и во все деревянные предметы (двери, шкафы, скамейки). Некоторые нотные книги тоже были попорчены дымом.

Настоятель о. Григорий руководил ремонтом храма до и после пожара, и на следующий год он покинул приход. Помню, что проводы его были весьма и весьма трогательны. Отец Григорий, прощаясь с прихожанами, говорил про корабль, который не смогли повести по правильному пути и теперь он попал в «бурю» — но на все воля Божия! Осталось в памяти прощание диакона Быстреевского с настоятелем — он поклонился в ноги о. Григорию, это меня сильно тогда поразило. Я видел слезы на глазах у всех присутствующих, и мне казалось, что пришел конец териокскому приходу...

На следующий год приехал о. Михаил Орфинский — военный священник с георгиевской лентой (протоирей — герой первой мировой войны). У о. Михаила была густая борода, не всегда подстриженная, немножко с сединой. Служил он, в отличие от о. Григория, быстро, по-военному. Отец Григорий любил служить проникновенно, немножко растягивая, отец Михаил «катил на почтовых» — не успевает произнести первое прошение и хор еще отвечает, он уже второе кончает. Отец Михаил был прост в общении, и поэтому пришелся он сначала не по нраву териокским прихожанам: «слишком прост», «деревенский батюшка», «поп», — такую оценку давали ему люди, привыкшие к «городскому» обращению.

Краса и гордость териокского православного прихода был диакон Антоний Александрович Быстреевский. Он был родом из Фридрихсгама (Хамина), 1870 года, получив образование в Петербургской духовной семинарии, он почти сразу же поступил на открывшееся место псаломщика в Териоки, где со временем был посвящен в сан диакона (1902 г.). Антоний Александрович был любимцем прихожан. Обладая великолепным голосом, он не раз приводил в восторг своим служением. Он дорожил своим голосом, берег его. Отец Антоний любил общество, любил шутить, в его компании некогда было скучать. Всю свою жизнь он безвыездно провел в Териоках (1898—1939 гг.), здесь же он и женился, и похоронил своего трагически погибшего сына, а затем и жену.

Отец Антоний хорошо знал финский язык и даже преподавал его в народных школах. С уходом о. Григория (который тоже хорошо владел финским), он стал вести церковные книги. Служение о. Григория и о. Антония было очень гармонично (тенор и бас) и проникновенно, подобного контакта о. Антонию было уже не добиться с о. Михаилом. Отцу Антонию пришлось пережить и первую мировую войну, и революцию, и эвакуацию в 1939 году. Приехав в Ярвенпяя (туда перевели териокский приход) он служил в новой церкви, при ней и жил, там же и скончался в 1952 году. Вечная память тебе, хороший, добрый, отзывчивый и незабвенный!

Жизнь наша — православных, русских — на «чужбине» не всегда протекала мирно и спокойно. Окружение инославием, т. е. лютеранством, давало себя чувствовать. Православная вера называлась и называется и по сей час «русской верой», т. е. в тех условиях это была вера «врага». В тот момент, после революции, наличие православия на границе переживалось очень остро местным, сугубо финским населением: освободились, мол, от порабитителя-царя, так убирайтесь и вы все туда же подальше. Некоторые люди и учреждения были весьма воинственно настроены. Таковой была, например, почта, которая находилась рядом с храмом. Очень не нравился почте церковный благовест, особенно звон большого колокола, были жалобы: мол, невозможно работать на почте — как откроем окно и вдруг ударит большой колокол — так бумаги летят и т. п. Крестные ходы привлекали большое количество зевак, которые посмеивались над православными, говоря: «Вот, русские опять “бога” спрятали, а теперь ищут».

Среди нас, православных, вопросы языка и стиля переживались тоже небезболезненно. Вводили новый стиль,¹⁵ т. е. стали править праздники со страной, которая жила по григорианскому календарю, а мы — по юлианскому, который «отставал» на 13 дней, Рождество, например, приходилось у нас на 7 января.

Несмотря на небольшие раздоры и неурядицы, церковная жизнь села-местечка-городка Териоки шла своим руслом. было в ней что-то неповторимое, родное и очень дорогое. Кто-то раз мне заметил, что духовная или, вернее, церковная жизнь небольшого городка или села со всеми ее привычками, праздниками, обычаями, куда цельнее и богаче и искреннее, чем подобная жизнь богатого прихода в большом городе, где меньше знакомых, где все друг другу «чужие». В селе церковь одна и все так или иначе участвуют в жизни прихода. Жизнь начиналась церковью или в церкви (крещение) и кончалась там же (отпевание). Кладбище в Териоках было далеко, поэтому отпевали почти всегда в «нашей» церкви, а не в кладбищенской. На кладбище была деревянная церковь, построенная купцом Игумновым, она была «холодная», т. е. в ней не было отопления. Служили там два или три раза в год: в Духов день и Спас Нерукотворный, и очень редко в одно из воскресений.

Такова была «наша» церковная жизнь в Териоках.

ХОРОВАЯ ЖИЗНЬ

Начиная описание хоровой жизни Териок, я должен идти как бы ошупью, так как то время, которое мною описывается, выходит из рамок воспоминаний, а переносится как бы в сферу предположений, поэтому я принужден буду отчасти прибегать к слову «по-видимому».

Итак, по-видимому, хоровая жизнь села Териоки началась с того времени, когда построили и церковь и начальную школу. Школа, как и церковь, строятся тогда, когда этого требует необходимость. Финские источники подчеркивают именно тот факт, что наличие русских школ на Карельском перешейке обуславливалось требованиями местного населения, иными словами, русские школы строились не для так называемого «обрусения края» (политика генерал-губернатора Финляндии Бобринкова¹⁶), а по особому ходатайству заинтересованных лиц, желающих дать образование своим детям.

Построенная в 1881 году «дурдинская» церковь, как я уже писал, была приписана к приходу Райвола, богослужения в териокской церкви совершались нерегулярно, и когда они происходили, особо нанимали (приглашали) из Петербурга хор. В «Приходском листке» за 1914 год о церковной деятельности сказано следующее: «Пение церковное в месяцы от сентября по май совершаются хором из русских териокских школ, под управлением учителя Ф. В. Миролюбова, на летние месяцы приглашен хор из наемных певцов, под управлением опытного регента-любителя Ф. А. Терского, трудящегося здесь почти 20 лет.» Последние слова «почти 20 лет» дают представление о той деятельности, хоровой и церковной, которая началась приблизительно в 1894—96 гг. В 1898 году был создан самостоятельный териокский приход и тогда, по-видимому, уже приглашался Ф. А. Терский с хором из столицы. Отец приехал в Териоки в 1905 году и постепенно стал организовывать хор из учеников школ, а также любителей церковного пения вообще. В 1907 году сгорела

деревянная церковь, ученический хор тогда уже существовал. Началось пение во временной церкви, которое продолжалось до 1914 года. Хор постепенно увеличивался, так как увеличивалось количество школ, а значит, и учеников. Всего в Териоках к 1914—15 гг. было 7 русских школ: 3 начальных, 2 ремесленных (мужская и женская) и 2 средних (мужское Реальное училище и женская гимназия). Сначала хор был маленький — человек 15—18, постепенно «подрастали» голоса и проявлялся интерес к пению. На летние каникулы хор распускался, а осенью снова «оживал». Так существовал и совершенствовался хор териокской церкви в дореволюционное время. Мне трудно сказать и даже предположить, каков был репертуар хора в то время, думаю, что несложный, так как ученики есть ученики, а для становления хорошего хора необходима многолетняя работа. Построенная новая каменная церковь с хорами, с новой нотной библиотекой, была прекрасной и в акустическом отношении, в ней все было продумано в этом плане.

Грянула революция, закрылась граница. Трудности в это время были неопишуты. Тяжелая доля выпала новому настоятелю о. Григорию. Все приходилось переорганизовывать, в том числе и хор. Хором по-прежнему занимался отец. Постепенно хор разросся, иногда в нем было до сорока человек. Пели в хоре часто семьями. Состав хора можно назвать «крепким». В нем было 10 сопрано, 8 альтов, 6 теноров и 10 басов, иногда сопрано бывало до 15, а альтов до 10, а также и басов до 12 с хорошими октавами, так что сила была. Слабым (количественно) звеном хора была, как почти повсюду, партия теноров. Тенор вообще редкий голос, а любитель-хоровик и того еще реже появляется на «хоровом горизонте», но все териокские тенора с честью несли знамя певца-хориста. Должен сказать, что из териокского хора вышли очень известные тенора, из них самый известный был Герман Генрихсен, среди териокских певчих известный под именем «Гемы». Он очень серьезно стал заниматься пением и, переехав в Хельсинки, поступил в хор Национальной финской оперы, где преуспел и стал солистом (опера «Евгений Онегин» — Ленский и опера «Русалка» — партия князя). Интересно одно замечание учителя «Гемы» — известного итальянца Тронки. Как-то пришел на первый урок к маэстро Тронки начинающий териокский тенор Всеволод Шведюк (он, кстати, никогда не пел в териокском хоре). Прослушав Волю Шведюка, маэстро заинтересовался, откуда он родом, и получив ответ, что из Териок, итальянец изумился: «Что это за место Териоки, прямо вторая Италия!» В Териоках начали петь в хоре братья Николай и Георгий Зотовы, а также их сестра Антонина (к сожалению, они еще детьми переехали в Выборг, где и обосновались).

Отец мой был большим любителем пения вообще, а церковного в частности, и он не жалел сил и времени и разучивал большие трудные вещи церковного репертуара (произведения Смоленского, Гречанинова, Львова, Турчанинова и, конечно, Бортнянского). Хор собирался дружно, спевки были известным развлечением однообразной трудной жизни. Для меня же, когда я был еще дошкольного возраста, спевки были своего рода праздниками. Я, как говорят, терся около певчих, часто

по-своему мешал, так что иногда раздражал отца и он выгонял меня. Помню одну спевку, кажется, тогда отец готовился к светскому концерту в зале «Общественного дома» («Сеурахуоне»). Помнится, что пели песню «Со вьюном я хожу» в обработке Римского-Корсакова (в ушах у меня все звучало «Ах вы, кумушки, вы, голубушки»). Так вот, на одной из таких спевок, вернее, в перерыв, певчие, молодые люди, решили поиграть со мной и моим приятелем Юрой Келчевским, племянником В. Н. Абрамовской. Взяли меня и Юру за руки, так, что я очутился между «Гемой» и Мишей Дмитриевым. Вывели нас в «циммермановский переулок»,¹⁷ выстроились в линию и по команде ринулись вперед, к морю. Я буквально летел в воздухе, мои ноги не успевали дотрагиваться до земли, я как бы висел на руках. Было какое-то очарование в этом вихре, очарование скорости полета. Добежав до моря, мы повернули и полетели обратно. Затем спевка продолжалась. Помню, что концерт, к которому тогда готовились, прошел с большим успехом, так как после концерта папу качали. Вообще, отец особенно не стремился «выступить», особенно ехать куда-нибудь, его всегда приходилось уговаривать. В концертной деятельности хора был маленький перерыв, а потом отец снова зажегся, и стали, уже в меньшем составе и с меньшими силами, спеваться к новому концерту, уже в народной школе. Последний концерт папа дал за два года до смерти.

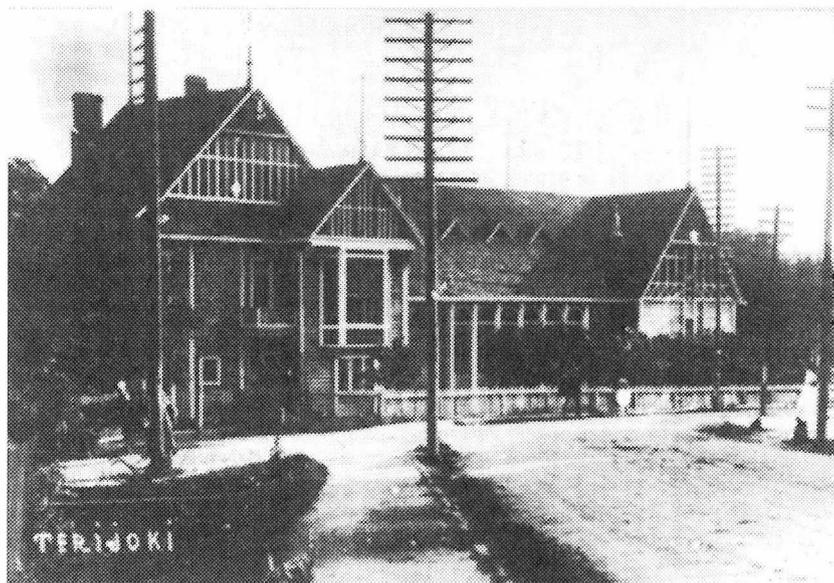
Я вообще обожал и по-прежнему обожаю человеческий голос, звучание хорошо слаженного хора мне еще приятнее, но тут во внимание принимается чистота созвучия, что случается весьма редко, так как подходящих по созвучию голосов довольно мало, каждый имеет свой тембр, свою индивидуальную окраску, и подчас голоса хороших солистов не подходят к хоровой слитности и как бы выделяются из хора и от этого чистота хорового созвучия страдает. Особенно неравнодушен я к басам. Эта увлеченность басовым тембром звука всегда меня пленяла. Помню, в детстве я слушал граммофонные пластинки у Юры Келчевского, вернее, у его тети В. Н. Абрамовской. Граммофон был старый, допотопный, с трубой, мембрана тоже старого типа, так что пластинка и шипела, и скрипела, и свистела, а иногда и довольно хорошо звучала. У нас (т. е. нашей «компании» — меня, Юры, его тети и учительницы немецкого языка Дагмары Викторовны Лампех) были свои любимые пластинки — их было всего четыре, больших, вроде современных долгоиграющих: песенка Герцога из «Риголетто» в исполнении Дмитрия Смирнова, ария из оперы «Гаялька» Монюшко в исполнении Л. Собинова, «Песня о Блохе» и «Лучинушка» в исполнении Ф. Шаляпина. Так вот, уже тогда я отдавал предпочтение басу, наслаждаясь пением Шаляпина с граммофонной пластинки. И в церкви, стоя в алтаре, я всегда особенно наслаждался пением хора, когда приходили Борис Лебедев, Миша Дмитриев, А. В. Петров (ведущий бас), известный всему перешейку А. Л. Степанов («Лукич»). Но «процветал» в басах Миша Дмитриев (Муртамо).

Хор был объединяющей силой, и потому был нужен, особенно в таком местечке, как Териоки. Конечно, не все шло гладко, случалось всякое: то капризничали одни хористы, то кто-нибудь сводил счета друг

с другом, то регент кого-то «обделил» при раздаче наградных к Пасхе (певчие в Териоках, как и в других местах, пели бесплатно). Хоровые вечеринки (они устраивались обычно раз в году, реже — два раза) тоже были событием приходской жизни. Тут напекались пироги, делались бутерброды, заваривался чай (кофе не жаловали). Зал украшался, и после чаепития пелись песни и устраивались танцы.

В 1930 году исполнилось 25 лет папиной службы как учителя и регента. По этому поводу было устроено скромное торжество. Хор сильно подорвал здоровье отца, так как вечные выяснения отношений и тому подобные события сильно расстраивали нервного регента. В 1931 году отец серьезно заболел (рак пищевода) и в следующем году скончался. Помню последнюю папину спевку — это было приблизительно во второй половине января 1932 г. В то время у отца было что-то вроде молодежного хора, он стал заниматься с совсем неопытными певцами, так как основной хор сильно «обмелел» и требовались новые силы, главным образом, мужские голоса: басы и тенора. Занимался он почти год, а то и больше, и этот «молодежный хор» пел уже самостоятельно простые богослужения, нотного репертуара молодежи еще не знала. Особо большого радения молодые певчие не проявляли и дело обучения стояло на месте. Болезнь отца сделала свое дело, силы его падали от предчувствия, что ему уже недолго осталось жить, и он почти прекратил занятия с этим хором и стал готовиться к последней службе. Сил, повторяю, было очень мало, но отцу очень хотелось пропеть свои любимые произведения. Из церковных композиций папе особенно нравились и удавалось «Великое славословие» А. Архангельского. В этой композиции, как известно, имеется маленькое «фугато» на слова «Яко согреших». Осталось в памяти то время, когда папа разучивал это место. Мне тогда было запрещено петь и «шляться» на спевки, меня заставляли учить уроки, но звуки, доходившие до меня из нижних комнат, не давали мне покоя, и я подлезал под кровать, прикладывал ухо к полу и слушал так пение хора. Это было раньше, теперь же я стоял за дверью и досадовал за отца на басов, так как слышал, что пение не клеилось. Спевка кончилась, папа пришел расстроенный домой. Я запомнил трудный ход у басов и пропел его отцу. Ответ его был лаконичный: «Что ж не пришел помогать!». Делать уже было нечего, меня он на спевки не пускал, да и спевка была... последней.

После смерти отца хором успешно управляла несколько лет талантливая Анна Андреевна Половцева. Я тогда принимал активное участие в пении, ходил на спевки, голос у меня уже перешел в бас и мне доставляло великое удовольствие быть певчим. Окончив Т.Р.У. в 1934 году, я поступил в Выборгский музыкальный институт, директором которого был известный Борис Вульфзон. Материальные трудности в нашей семье были большие, мне пришлось поступить на коробочную фабрику Зорина и зарабатывать деньги на проезд по железной дороге. Годков мне было еще не много, всего шестнадцать. И тут сердобольные люди вошли в наше «положение» и предложили мне заниматься с церковным хором. Церковный совет принял участие и маму мою уговорили согласиться на мое регентство. Долго мать не давала согласия, так

«Сеурахуоне» («Общественный дом»).

как видела мою неопытность и боялась неудачи, но церковный староста К. Ф. Юзефович дал понять, что своим согласием мать закрепит за собой приходскую квартиру. После смерти отца мама продолжала учительствовать, но школа в то время едва держалась из-за отсутствия учеников, и взвесив все, мать согласилась, скрепя сердце. Так я стал в 17 лет регентом териокской православной церкви. Все в жизни условно, принято считать, что молодость не всегда является преимуществом. «Судьба играет человеком», — так поется в одной из русских песен, так и тут случилось. То, что я музыкой интересовался и любил ее, и хотел стать музыкантом — это правда, но чтобы я стремился стать, еще будучи молокососом, регентом — нет, об этом я и не мечтал!

Поступил на службу я весной, перед Пасхой. Были сначала, как и полагается, трудности, но сверстники, друзья помогали, включались в хор, он все расширялся, и на следующий год я решился на духовный концерт. Программу выбрал очень трудную (произведения П. Чайковского, Д. Бортнянского и др.). В ту пору в селе Райвола регентом был известный П. Я. Шаповалов, узнав о моей программе, он с усмешечкой говаривал: «Ишь ты, Петенька, что взял, не подумал, такие вещи не по хору». Конечно, он был прав, все могло очень плохо кончиться, но «смелость города берет», и молодость, своего рода самоуверенность, упрямство взяли верх — и концерт прошел сверх ожиданий очень удачно. Несколько недель спустя я встретил П. Я. Шаповалова, и он,

ДУХОВНЫЙ КОНЦЕРТЪ

ВЪ ЗАЛЪ „SEURAHUONE”
2 апрѣля 1939 года въ 15 час. (3).

ПРОГРАММА:

I

1. Канонъ II-го гласа.
Пѣсни: 1, 3 и 6. - перел. А. Львовъ
2. Свыше пророцы А. Львовъ
3. Святыи Боже..... П. Миролобовъ
4. Помидуй насъ Господи А. Архангельскій
5. Блаженъ мужъ Д. Бортиянскій
6. Крестъ хранитель..... А. Архангельскій
7. Свѣте тихий * * *

II

1. Покаяніа..... А. Ведель
2. Предстоящи кресту..... А. Львовъ
3. Разбойника (для мужск. хора).. П. Миролобовъ
4. Да молчить П. Турчаниновъ
5. Воскресни Боже — „ —
6. Плотію уснувъ А. Ведель
7. Восхваляю имя Бога моего Д. Бортиянскій

ДИРИЖЕРЪ П. Ф. МИРОЛЮБОВЪ

Аплодисменты не допускаются.

Tilapäistöiden Kirjapaino, Viipuri.

улыбнувшись своей сладенькой улыбкой, сказал: «Поздравляю тебя, я Бога молил, чтобы все удачно прошло!»...

Успех окрылил и дал надежды на будущее. После духовного концерта в 1936 году в помещении начальной школы стали готовиться к светскому, который тоже прошел весьма неплохо. Публики было очень много, зал был переполнен, принимали очень хорошо. Помню, немножко с запозданием явился на концерт наш териокский «русский», всеми уважаемый доктор Эдгард Карлович Циммерманн.¹⁸

Я учился в Выборге премудрости музыки, уже пробовал силенки и в композиции (на духовном концерте были исполнены впервые мои два произведения: «Разбойники» для мужского хора и «Архангельский

глас» для женского хора; первое поется до сих пор, а второе погибло — ноты остались в Териоках). В 1937 году исполнялось столетие со дня смерти А. С. Пушкина, в честь этой даты были устроены торжества в Хельсинки, в Выборге и, конечно, в Териоках. Я воодушевился и стал быстро писать кантату для хора. Писалась она под руководством профессора Петра Васильевича Акимова, великолепного педагога. Написав кантату, я стал ее разучивать с моим хором. В Териоках она имела большой успех (конечно, эта кантата ничего особенного не представляла, написана она для скромного любительского хора без солистов). Для проведения Пушкинских торжество были собраны все местные силы, ставилась инсценировка, почти все музыкальные вещи были на стихи А. Пушкина. Вечер, можно сказать, удался. Закончился он фотографированием на память на сцене «Сеурахуоне» рядом с портретом Пушкина, который был написан художником А. Блазновым.

Это происходило в 1937 году. Выступает 1938-ой, остается только два года до эвакуации! Никто, конечно, тогда и не помышлял и даже во сне не видел, что нас как-то «коснется» война! Мы жили своей «териокской» жизнью, и наша музыкальная жизнь, можно сказать, процветала. Моя музыкальная учеба шла вперед, днем я ездил в Выборг, занимался усиленно в музыкальном институте, вечером играл в ресторане, хлеб зарабатывал; затем снова среди недели возвращался в Териоки, проводил спевку с хором и давал уроки — то на скрипке, то на рояле, затем опять садился в поезд и мчался в Выборг — опять в институт и опять в ресторан, а в субботу домой в Териоки, в церковь, и так каждую неделю. Осенью 1938 года был последний светский концерт, в программе которого, мне помнится, была поставлена композиция Максимова «Несжатая полоска» на слова Н. Некрасова, а также были исполнены «Песня о родине» и «Вечер в деревне» Стратова, «Однозвучно гремит колокольчик» Соловьева и др.

Хоровой ансамбль был довольно крепким, хотя и менялся. Теноров было мало, но они вполне справлялись с трудным репертуаром. Основной теноров был Василий Григорьевич Копытов — он смело брался за трудные партии. Не могу обойти молчанием и такого певца, как Василий Михайлович Максимов. Он жил в Куоккала, имел свой магазин почтовых марок в Выборге и пел довольно аккуратно в териокском церковном хоре как при отце, так и при мне. Василий Михайлович был весьма компанейским, веселый и музыкальный человек. Он любил петь в обществе романсы, поухаживать за дамами, любил «гульнуть» — в общем, душа-человек. Его не надо было долго упрашивать: «Если я свободен, то я всегда на месте», — говаривал он, и, действительно, был пунктуален, зря не обещал, а если обещал, то всегда приходил вовремя.

На следующий год, весной 1939-го, был еще скромный духовный концерт в зале «Сеурахуоне». Осенью того же года, 1 сентября я покинул териокский хор навсегда, переехав в Выборг, именно в тот самый день началась вторая мировая война — германские вооруженные силы напали на Польшу.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

В Териоках не существовало постоянного театрального кружка, так же как и не было официально зарегистрированного самостоятельного русского хора. Териокский хор существовал при церкви. Как я упоминал уже раньше, териокские русские училища также базировались на приходской помощи и соответственно с этим их часто называли, например: Териокская приходская начальная школа или Териокское приходское реальное училище. В этих случаях церковь являлась как бы «собирающей силой». Что касается деятельности театральной, то последнюю уже никак нельзя было бы назвать «приходской» или тем более церковной.

Несмотря на все трудности, была создана театральная труппа, ставившая спектакли. Начало театральной деятельности было положено Реальным училищем и естественно, что вся эта деятельность носила чисто любительский характер. Главной целью постановки спектаклей было оказание материальной помощи Реальному училищу — это была одна из форм устраиваемых благотворительных вечеров. «Нужно, господа, помочь училищу! Давайте устроим вечер с программой, поставим пьеску или водевиль с пением», — говорил Василий Васильевич Брайтвайт — один из главных активных режиссеров в Териоках того времени.

И пьесы ставились. Ставили Островского и Чехова, и многих других драматургов. Собиралась группа, находили режиссера, выбирали пьесу, устраивали репетиции, приобретались и шились костюмы, писались декорации и... наступал день спектакля. Все волновались, в первую очередь режиссер, затем артисты и, конечно, устроитель — у нас таким бывал обычно директор реалки П. А. Янушкевич. Главное, волновал всех один и тот же вопрос: будет ли от спектакля доход для училища.

Мне хочется при всем этом коснуться эпизодов и некоторых лиц, которые были в той или иной степени связаны с театральной жизнью в

довоенных Териоках. Вследствие того, что репетиции предстоящих спектаклей обычно происходили в помещении начальной школы, мне пришлось столкнуться первый раз с «театром» уже тогда, когда я был совсем молод.

В те годы в Териоках был выстроен так называемый «Общественный дом» («Сеурахуне»), где была устроена сцена, имелись кое-какие декорации. Тут устраивались также концерты. Один из концертов мне на всю жизнь врезался в память главным образом потому, что мне пришлось в тот вечер пережить весь ужас деревенских пожаров. В тот роковой вечер в Общественном доме шел концерт в пользу Реального училища. Давал концерт известный в те годы пианист Вильгельм Иванович Раттасепп. Концерт был посвящен Бетховену. Помню, мои родители ушли на концерт, оставив меня одного дома. Была осень. Темный вечер, темно было и в нашей столовой, из окна которой я вдруг заметил на небе зарево: красный и желтые отблески покрывали горизонт за так называемой «зеленовской» горкой. Мне почудилось что-то страшное, на нас надвигающееся. Пришедшие родители, успокоили меня, сообщив, что это пожар и не так близко от нас.

Пожар произошел во время концерта пианиста Раттасеппа, и при этом горел его же дом! Во время пожара получил сильные ожоги отец пианиста Иван Мартынович Раттасепп — известный в округе настройщик роялей и пианино. Он скончался через несколько лет после пожара от последствий ожогов.

Кстати хочется сказать несколько слов о пианисте Вильгельме Ивановиче Раттасеппе. Судьба закинула его в Финляндию из Вильнюса (Вильно), где он в течение шестнадцати лет состоял учителем музыки. Сдав экзамен в Петербургской консерватории, Вильгельм Иванович поселился в Финляндии и, обосновавшись в Териоках, несмотря на свою национальность (эстонец) и великолепное музыкальное образование, не смог применить себя как музыкант-исполнитель и педагог в полной мере. Ему пришлось зарабатывать, играя в ресторанах и сопровождая певца и танцора. Раз, заменяя скрипача, играющего в трио, куда входил Раттасепп, мне пришлось с ним играть танцы в Териокомском Рабочем доме, принадлежавшем в те годы социал-демократической партии (о коммунистах тогда не говорилось). Вильгельм Иванович был исключительно мягким и приветливым человеком. После войны он жил в Хельсинки и здесь трагически погиб в 1956 году.

Итак, постоянного театра в Териоках не было. В двадцатых годах существовал русский драматический кружок, главным руководителем которого были Н. Н. Шамаков (позже переехавший в Выборг), А. Ф. Орлова и М. А. Безрукова (Раттасепп) — эти женщины, можно сказать, неизменно принимали участие почти во всех пьесах, поставленных русскими любителями театра в Териоках, вплоть до 1939 года.

Вспоминается мне пьеса-водевиль «Цыганские песни в лицах» И. Северского. В этой пьесе огромная роль принадлежит музыке, романс ведь всегда остается романсом. Нельзя не упомянуть в связи с постановкой этой вещи Екатерину Иппократовну Лященко (урожденную Коралли, сестру знаменитой балерины Веры Коралли¹⁹). Волей

судеб Екатерина Иппократовна оказалась в Териоках, где имела свои дачи. Музыкаль пианистка, должно быть, увлекалась с детства и была хорошей аккомпаниаторшей, музыкально оформляла школьные вечера, а также, зная итальянский и французский языки, преподавала французский в Реальному училище. «Тетя Катя», как ее все звали, составила музыку и для вышеназванного спектакля, где главные роли были даны А. Ф. Орловой, Ольге Федоровне Черных, Н. Жуковскому, И. Д. Ухмылину и М. Дмитриеву (Муртамо) — все лучшие певцы и певицы тогдашних Териок. Вспоминается мне также доморощенный водевиль «Любовь цыганки», поставленный приблизительно в 1934 году. Эта пьеса была собрана из цыганских романсов и сплетена текстом, написанным также «тетей Катей». Главную роль в этом спектакле исполняла Елена Петровна Прутковская (Крунстрем), обладавшая большим темпераментом и сильным меццо-сопрано. Она очень бойко исполняла цыганские романсы и была весьма эффектна на сцене. Главная мужская роль принадлежала в этом спектакле опять-таки Мише Дмитриеву, имевшему исключительный голос. Одним из главных помощников Екатерины Иппократовны, собиравший и переписывавший материалы к спектаклям, был Анатолий Иванович Любимов — ныне известный пианист и композитор, играющий немаловажную роль в музыкальной жизни Финляндии и способствующий своей деятельностью ознакомлению финского народа с советской и русской культурой. Влечение к музыке появилось у Анатолия Ивановича еще с ранних лет. Впоследствии, когда он становится учеником Реального училища в Териоках, у него открывается дарование пианиста. Занимаясь музыкой, он достигает больших успехов и выступает обычно на школьных вечерах как пианист. Как сейчас помню исполненную им на одном из вечеров «Песнь без слов» Мендельсона, затем «Мимолетности» Прокофьева.

По окончании Реального Училища Анатолий (Тося) Любимов поступает в Хельсинкскую консерваторию, где занимается по классу рояля у профессора Эрнеста Линко. Проучившись в консерватории два года, он по причине материальных и жилищных трудностей, переезжает в Териоки, откуда ездит на учебу в Выборгское музыкальное училище Сироба (Сирпоо). Одновременно А. Любимов приходится зарабатывать себе на пропитание игрой в ресторанах. Живя в Териоках, Любимов постоянно помогает в музыкальных постановках русских спектаклей, аккомпанирует на репетициях. Летом 1934 года с его помощью готовится водевиль «Любовь цыганки». В 1939 году Любимов удается вновь поступить в Хельсинкскую консерваторию. Он выступает солистом в оркестре, которым дирижирует в то время еще восходящая звезда (аккомпаниатор Ф. И. Шаляпина) Жорж де Годзинский — ныне композитор и дирижер, имя которого известно далеко за пределами нашей страны. После войны А. Любимов вновь становится учеником консерватории в Хельсинки, но уже по классу дирижирования. Он успешно заканчивает консерваторию и получает диплом дирижера-капельмейстера. Музыкальная палитра Любимова многокрасочна: Любимов — пианист и дирижер, он же хормейстер и композитор. А. Любимовым написаны три одноактных балета на сюжет сказок Андерсена: «Свино-

*Участники юбилейного вечера,
посвященного 100-летию со дня смерти А.С.Пушкина.*

пас», «Девочка со спичками» и «Голый король»; две балетных сюиты для симфонического оркестра, романсы, вокальные дуэты и многое другое. Выступая как дирижер во многих городах Финляндии, Любимов зарекомендовал себя как опытный и требовательный дирижер. Его талантливость и энергия, неутомимость в достижении цели принесли ему известность не только среди музыкантов Финляндии, но и за границей.²⁰ /

/ До революции Териоки, как известно, были в некоторой степени проездным пунктом. Здесь нередко бывали известные артисты Петербурга, выступавшие с концертами и спектаклями. Уже после революции бывал здесь известный пианист А. Зилотти, Ольга Преображенская²¹ и другие, способствовавшие своими выступлениями сбору средств в пользу Реального училища.

Помнится мне вечер-концерт, устроенный в Общественном доме при участии М. А. Ведринской, читавшей отрывки из романа «Война и мир» Л. Толстого (монолог Наташи Ростово́й), стихотворения в прозе И. Тургенева и многое другое.

/ Вспоминая русскую театральную жизнь в Териоках, невольно возвращаешься к большому «болеельщику» театра и нашему режиссеру Василию Васильевичу Брайтвайту, жившему в даче адвоката Казаринова (жена последнего известная в то время певица Сеччени, постоянно выступавшая на благотворительных вечерах). Условия жизни семьи Брайтвайт не были лучшими, но Василий Васильевич не падал духом и бодрил себя и других. Репетиции в присутствии Брайтвайта всегда проходили занятно, можно сказать, с настроением.

ПРОГРАММА
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
Теріокскаго Реального Училища
посвященнаго свѣтлой памяти

А. С. ПУШКИНА

по случаю столѣтія со дня смерти поэта.

I ОТДѢЛЕНІЕ

- 1) Вступительное слово М. Г. Четосердовъ
- 2) Коль славень испол. хоръ подъ управл.
П. Ф. Миролюбова
- 3) Жизнь Пушкина И. Е. Орѣшинъ
- 4) Сцена въ Чудовомъ монастырѣ исп. учен. И. Сидоровъ и
Б. Лебедевъ
- 5) «Вновь я посѣтилъ» проч. учен. И. Орфинскій
- 6) Пѣніе Е. П. Венедиктова

II. ОТДѢЛЕНІЕ

- 1) Творчество Пушкина учен. В. Осиповъ
- 2) Арія Руелана изъ оп. «Русланъ
и Людмила» исп. З. П. Осипова
- 3) Письмо Татьяны (декламац.) Л. Л. Губченко
- 4) Пѣніе В. В. Чемишкіанъ и
Р. Г. Глушковъ
- 5) Сцена у фонтана Р. Г. Глушковъ
- 6) Хоръ подъ управленіемъ П. Ф. Миролюбова

III ОТДѢЛЕНІЕ

- 1) Поэтъ, стих. проч. учен. Д. Филипповъ
- 2) Поэту, стих. проч. ученица З. Иванова
- 3) Пророкъ, стих. проч. учен. В. Лебедевъ
- 4) На смерть Пушкина Е. И. Вальманъ
(стих. Лермонтова.)
- 5) «Смерть Пушкина», сцена А. Михневича
испол.: Е. А. Быстрѣвская, О. Д. Копытова, В. Г. Копытовъ,
П. К. Богдановъ, В. В. Владимировъ и П. Ф. Миролюбовъ
- 6) Памятникъ, стих. проч. ученица Т. Поляченко
- 7) Кантата испол. хоръ подъ управл.
П. Ф. Миролюбова.

Начало въ 19 час.

¹ Были у нас среди актеров-любителей и крупные энтузиасты своего дела. Одним из таковых был некто Роман Глушков, сильно любивший театр. Он много читал, обладал прекрасной памятью, обожал декламацию и... подчас переигрывал. Говорил он всегда с большим пафосом и при этом сильно жестикулировал. Особенно нравились ему «Сцена у фонтана» из драмы «Борис Годунов». Припоминается мне и эпизод из какой-то пьесы, названия которой не помню. По ходу пьесы хозяин (В. Брайтвайт) заставляет приносить присягу своего слугу (Р. Глушков). Слуга же никогда в жизни не приносил ранее присяги. Диалог идет примерно в таком роде. Хозяин: «Ты клялся когда-нибудь в жизни?» Слуга: «Никак нет» — «Ну, так иди сюда!» Роман Глушков покорно подходит. Хозяин: «Подними два пальца вверх». Слуга подчи-

А. С. ПУШКИНЪ

1837 21-го февраля 1937 года. 1937

няется. «Повторяй за мной теперь, понял?» — «Так точно.» — «Клянусь тенью отца моего», — диктует хозяин. Слуга повторяет. «Как звать батьку?» — спрашивает слугу хозяин. «Как звать батьку», — повторяет как попугай слуга. «Дурак!» — сердится хозяин. «Дурак», — повторяет слуга. Хозяин прекращает диктовку и спрашивает: «Как твоего батьку звали? Говори, дурень!» — «Пахомом», — поняв, наконец, отвечает слуга. «Ну, так и говори: клянусь тенью отца моего Пахома» и т. д. и т. д.

Эта сцена всегда вызывала смех на репетициях, она была несложна и получалась естественно, но во время премьеры ее переиграли и тот и другой. Весь смак пропал. Причиной была торопливость повторения слов.

Не только комедии и водевили ставились русскими театрами в Териоках, дело доходило даже до постановок отрывков из опер, но это, однако, следует считать исключением. Проживавший в двадцатых годах в Териоках Н. Н. Шамаков обычно режиссировал оперные постановки, вернее, отрывки из опер. Ближайшее участие в этих постановках принимал также приезжавший из Выборга большой любитель музыки и особенно пения доктор В. Г. Стуккей, исполнявший обычно главные певческие роли, между прочим, Черта в опере Чайковского «Черевички» (роль Солохи исполняла А. Ф. Орлова). Здесь мне хочется немного остановиться и познакомить читателя с этой интересной артисткой и замечательным человеком — Александрой Федоровной Орловой.

В жизни бывают неожиданности разного характера, иногда мы строим наше будущее строго по плану и таковой удается, иногда совсем наоборот. Бывает, что полученные образование и специальность, особенно у женщин, оказываются ненужными. Невольно вспоминается Чехов: «Чтобы генеральшей стать, не надо образования, вышла замуж за генерала — вот и генеральша!» Имея ввиду ту историческую ломку, которую переживала русская интеллигенция, к положительным неожиданностям надо отнести знание иностранных языков и музыкальное образование, которые на чужбине оформлялись в профессии. Языкам учили обычно в домашних условиях — приглашались «бонны», которые говорили на языке своей страны: немецкий, английский, французский были очень распространены среди русской интеллигенции. Часто дома занимались и музыкой, больше всего игрой на рояле. В семье Александры Федоровны музыка была на первом месте, и, как игриво выразилась она, переехав в Санкт-Петербург, она усиленно продолжала занятия на фортепиано, начатые еще в Москве, и не повстречайся ей ее будущий муж А. Орлов, она бы стала пианисткой.

Орловы нанимали на лето дачи на Карельском перешейке: то в Оллила, то в Куоккала, а то и в самих Териоках. «Мы с мужем расстались на Финляндском вокзале, — вспоминала Александра Федоровна, — как раз на следующий день банки стали государственными, мой муж остался в Петрограде, чтобы оформить следующим утром свои дела, но... на утро все пропало, и я осталась с детьми «на даче». Муж мой пропал без вести.» Это была судьба многих, случай не единичный. Музыка как бы пришла на помощь Александре Федоровне. Обладая великолепным меццо-сопрано, она стала серьезно заниматься пением у бывшей артистки Мариинской оперы М. О. Каменской, жившей в Келломяках. Бог помогал существовать семье Орловых, нашлись добрые люди, и Александра Федоровна смогла искусством, то есть игрой на рояле, содержать семью. В Териоках она приобрела массу друзей благодаря своему обаянию. С легкой руки Вильгельма Ивановича Раттасеппа А. Орлова становится ресторанной пианисткой — он нашел для нее место в Выборге. Трудно было привыкать к новой среде после общения с великим Репиным, с артистами, композиторами. В Выборге А. Орлова участвовала и в оперных постановках. И по сейчас она продолжает заниматься музыкой, аккомпанируя в балетной школе.

Хочется рассказать о последней большой постановке в Териоках — это была пьеса «Заяц», поставленная В. В. Брайтвайтом в 1938 году. Перед представлением выступал писатель Борис Зайцев²² — он читал свои произведения. Помню, кто-то досадовал: «Как неудобно получилось, что вместе с Б. Зайцевым идет пьеса “Заяц”!» Как мне помнится, вечер прошел без инцидентов, писатель читал и пьеса прошла прилично. Главную роль в пьесе играл Павел Константинович Богданов, разносторонний любитель искусства, в бытность свою в Териоках он участвовал и в мужском хоре, играл на сцене, его можно поставить в пример как артиста-любителя — так он был всегда пунктуален и трудолюбив!

В последние годы — в 1937—39 — мы ставили часто разные пьесы. Объединял нас всех тогда «Комитет имени Матильды Вреде» (о нем я расскажу в последней главе). Заканчивая повествование о театральной жизни, мне хочется отметить постановку «Юбилея» А. Чехова как наиболее удачную из последних представлений. Последней постановкой в Териоках была пустышная пьеса «Как они бросили курить».

Работа над театральными постановками очень много нам давала, развивала нас, обогащала нашу фантазию и, конечно, «убивала» наш досуг. К последним годам нас, постоянно проживающих в Териоках, становилось все меньше и меньше, но жизнь русская если и не кипела, то всегда существовала и никогда не прекращалась.

РАЗНОЕ О ЖИЗНИ В ТЕРИОКАХ

Начиная последнюю главу моих «воспоминаний», я не могу обойти молчанием деятельность, связанную с именем Матильды Вреде. Читатель может удивиться и спросить: а какое отношение имеет Матильда Вреде к русским в Териоках? Да, действительно, почему я вспоминаю ее и приплетаю к воспоминаниям о русских в Териоках? Постараюсь объяснить. Матильда Вреде — своего рода миссионерка, посвятившая всю свою жизнь заботе о помощи угнетенным, имя ее неразрывно связано со всеми угнетенными, проживающими в Финляндии, независимо от национальности. Человек в высшей степени благородный, идеализирующий заботу о ближнем, Матильда Вреде всей душой откликнулась на тяжелое положение русских в Финляндии, уже в начале 20-х годов она помогала бедным русским, устраивая к рождеству им «подарки». Помню, что сама она приезжала в Териоки в 1923—26 гг. После этого прошло немного времени и внезапно Финляндию облетела грустная весть: 25 декабря 1928 года Матильда Вреде скончалась. Взгрустнулось русским, но доброе дело, начатое М. Вреде, не прекратилось, а, наоборот, нашло своих продолжателей. Вскоре, в 30-е годы в Хельсинки был образован Комитет имени Матильды Вреде. У нас в Териоках это дело нашло отклик и благодаря энергии Валентины Николаевны Абрамовской (заведующей начальной школы) был создан териокский филиал этого комитета. Это зарегистрированное общество и стало одним и, можно сказать, единственным очагом русской интеллигенции, а также связующим звеном для русской молодежи в последние годы териокской жизни. У нас, молодых, не было возможности собираться как-то организовано. Да, действительно, были школы — начальная и Т.Р.У., но школы были как бы только для учащихся, хотя там и устраивались и концерты, и спектакли, и Рождественские елки, но все это было или для

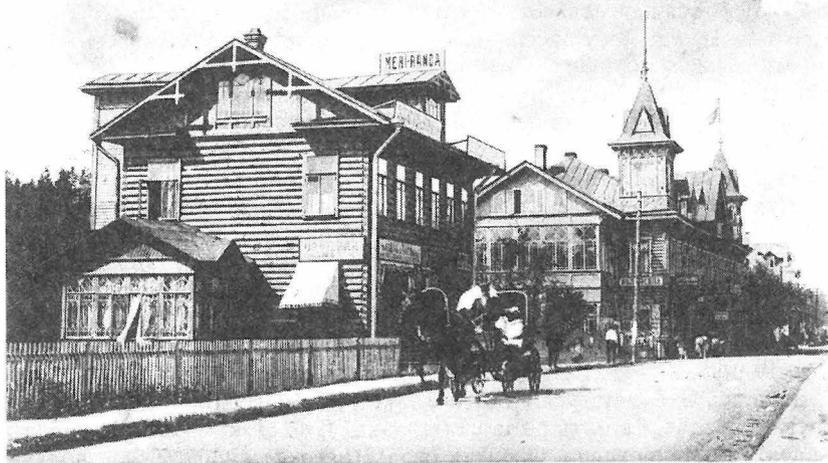
школьников, или в пользу школы и училища. Церковь тоже давала возможность для общения — были спевки, концерты, лекции, но и тут это «но» — вся деятельность обуславливалась служением храму, приходу и т. д. Теперь же у русской молодежи появилась возможность как-то «обосноваться». «Молодежный вопрос» разрешился очень просто: при обществе им. М. Вреде были организованы кружки — музыкальный, театральный, литературный, шахматный и другие. Кружки эти были коллективными членами общества. Сбор с организуемых вечеров поступал в пользу общества.

Прежде чем рассказывать о различных кружках и их деятельности, мне хочется сказать несколько слов об организаторе нашего общества «Вред — ителей» Валентине Николаевне Абрамовской. Она являлась старожилом Териок и весьма и весьма потрудилась на ниве русской, прожив в Финляндии всю свою жизнь.

Валентина Николаевна родилась в Вильманстранде (Лапеенранта) в семье полковника Н. А. Абрамовского. В то время финляндские полки находились в Тавастгусе (Хямеенлинна), Выборге, Вильманстранде и других городах. Ее мать была учительницей, по стопам матери пошла и Валентина Николаевна. Окончив педагогические курсы (после получения высшего образования в Павловском институте) она получила место заведующей начальной школы в местечке Териоки. В Териоки она приехала раньше моего отца (т. е. до 1905 года), и здесь осталась до эвакуации. У Валентины Николаевны не было семьи и всю свою энергию она направила на служение детям, а позже ее деятельность носила более широкий характер; вообще, она была очень деловая женщина. Она помогала всем, могла ходить по различным учреждениям и добиваться своего. Примером может служить ее удивительная энергия при постройке церкви в Ярвенпяя. Можно сказать, из ничего она нашла и средства, и строителей, и жертвователей. Несмотря на свою известную рассеянность и забывчивость в повседневной жизни, Валентина Николаевна «большие» дела вела очень хорошо и точно. Вот она и возглавила Комитет им. Матильды Вреде, собирала средства, организовывала лотереи, вечера, вела некоторые кружки (рукоделия и другие) и т. п. Она была центром этого дела, она его любила и как бы жила им.

После второй мировой войны, она, как и многие териокцы, обосновалась в Ярвенпяя и, получив «уголок» при церкви, Валентина Николаевна спокойно скончалась на 84-м году жизни в 1958 г. Похоронена она на хельсинкском православном кладбище. Царство небесное и вечный покой, дорогая Валентина Николаевна!

Итак, В. Н. Абрамовская была председателем филиала Комитета им. М. Вреде, секретарем была Екатерина Антониевна Быстревская, дочь о. диакона А. А. Быстревского, которая была очень активна в делах молодежи и в культурной жизни в Териоках. 1934—36 были лучшими годами деятельности комитета. Причиной плодотворной работы было наличие молодежи, которая с душой участвовала в жизни комитета. Деятельность комитета «вредителей» продолжалась до последнего дня существования Териок, еще весной 1939 года работа велась достаточно большая. Общество наше было официально зарегистри-

*Териоки. Гостиница «Мери-ранда»
(фото с дореволюционной открытки).*

ровано по всем правилам финляндского законодательства, во главе комитета стояли русские по национальности, но — граждане Финляндии (эмигранты не имели права возглавлять какие-либо организации; здесь можно сказать и о том, что еще до революции, в бытность Великого княжества Финляндского, русские не имели права собственности на территории Финляндии, если они не являлись подданными страны).

В чем же состояла деятельность комитета? Практически каждый день по строго определенному расписанию работали различные кружки — каждый день разные кружки: вторники для шахматистов, среды для хоровых спевков, четверги для литературных вечеров, пятницы — для театральные репетиций, субботы и воскресенья — вне программы недели, т. е. в эти дни устраивались или концерты, или шахматные встречи, или лотереи и т. п. Весь сбор поступал в пользу общества. Молодежь активно участвовала во всех мероприятиях, эта активность даже беспокоила местные власти (тайную полицию), которые интересовались нашей деятельностью, так как Териоки — это пограничная зона, и политическая деятельность поэтому была подозрительной, хотя мы и были полностью аполитичны.

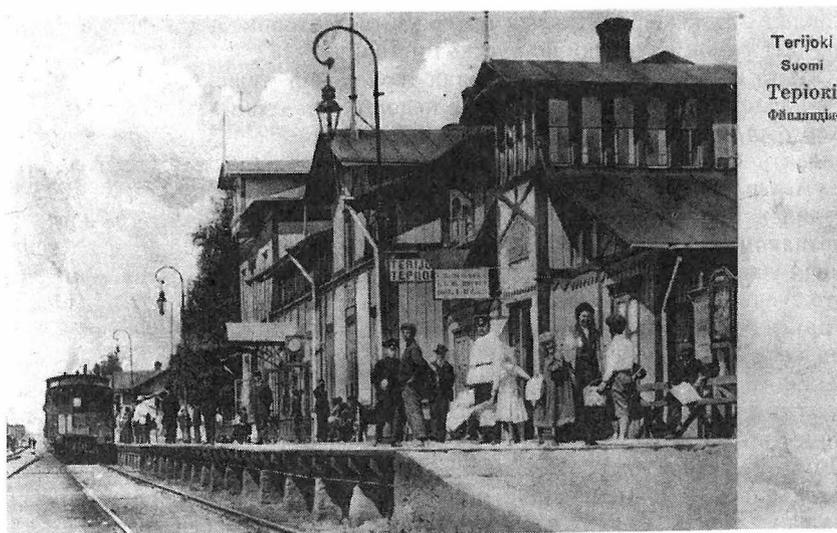
Все наши собрания проходили в здании начальной школы, руководил ими В. П. Голубев, который учил нас, как организовывать и проводить вечера, как вести собрания и т. п. На литературных собраниях — вечерах делались доклады на различные темы, читались лекции. Помню, приглашен был однажды живописец А. Прессас, который сделал

доклад о искусстве. Самым интересным лектором был И. Е. Орешин, он читал свои «Записки по русской истории».

В то же время был организован териокский мужской хор под моим руководством, он просуществовал недолго, дав один или два концерта. Хор был весьма скромный, но удаленный. Здесь мне хочется рассказать о музыкальном инструментальном трио, в которое входили: Е. А. Орлова (рояль), Энсис Ауэр (виолончель) и я. Летом 1934 года я ездил в Келломяки на уроки музыки к скрипачке Эдельман, здесь я познакомился с виолончелистом Энсио Ауэром, который и пригласил меня участвовать в трио (скрипка, виолончель и рояль). Меня, конечно, это очень прельстило. В то время, должен к своему стыду признаться, я практически не владел финским языком и в общении с Энсио мне помог мой скверный немецкий, на котором он говорил недурно. Энсис был сыном консула Ауэра, проживавшего годами в Москве, постоянно вращался в дипломатической среде, но учился он в териокском финском лицее и был весьма агрессивен по отношению к русским «реалистам». Дома у Ауэров было «смешение языков»: говорили и по-фински, и по-шведски, и по-немецки, и по-русски. Часто они устраивали музыкальные вечера. В одну из суббот у консула был устроен званый вечер и мне пришлось первый раз в жизни принять участие в веселье «ночь напролет» (я тогда еще не регентировал в церкви и мог отлучаться по желанию). Помню как сейчас, лучи утреннего летнего солнца уже ярко осветили небеса, а из окон консульского дома слышатся звонкие и задорные звуки мазурки, которую очень эффектно играл Бателът. Все это было для меня ново и весьма странно. В этот вечер нам с Энсио аккомпанировала Ляля Орлова (Елена Грабовская). Затем наступили осень, зима, мы втроем продолжали собираться и играли. Со стороны Энсио такое усердное занятие музыкой было продиктовано не только увлечением искусством — Энсио больше был увлечен Лялей, это «заставило» его заинтересоваться музыкой, и здесь уже вопрос национальности и русскости не играл решающего значения, несмотря на политическое «нагревание» окружающей среды. Помню, я однажды робко спросил Энсио, согласен ли он участвовать в вечере, устраиваемом в пользу Т.Р.У. Энсио ответил утвердительно и даже добавил: «С удовольствием». Вечер устраивался в помещении «реалки» и не смотря на то, что лагерь был «чужой», виолончелист играл и даже выступил как солист. Это можно назвать началом «мирного сосуществования» в наших тогдашних условиях! Но главное наше выступление состоялось в кружке — мы играли трио Гайдна. После этого выступления наше трио распалось: Ляля уехала в Хельсинки, Энсио тоже куда-то пропал, а я стал ездить в Выборг учиться музыке.

Очень активно работал шахматный кружок, который часто устраивал шахматные турниры, сеансы одновременной игры. Сам я плохой шахматист, поэтому в этих мероприятиях участия не принимал.

Несколько слов хочу сказать о футбольной команде. В спорте вопрос гражданства играл большое значение и, так как почти все наши спортсмены были бесподданные, у нас не было спортивного кружка. Но футбольная команда все-таки существовала под видом «Добровольной

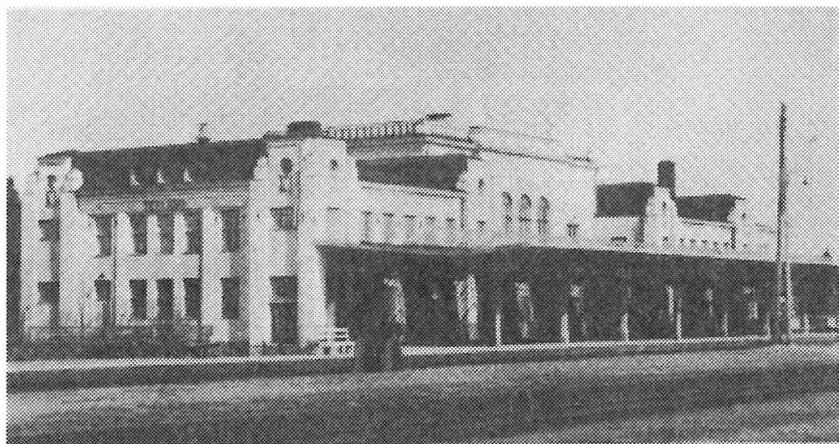
Старый териокский вокзал (фото с дореволюционной открытки).

пожарной дружины». Осталась в памяти спортивная встреча финской команды «Киисто» и нашей русской. Первую встречу выиграли наши ребята. В повторном матче «Киисто» удалось вырвать победу в последние минуты встречи: два последних решающих гола забил известный Пэкка Тойвола. Среди наших «пожарников» было много хороших игроков, особенно хорошо играл Володя Трухляев. Несмотря на все трудности нашего быта в то время, интерес к футболу был весьма большим — это тоже одна из характерных черт нашей русской жизни.

Вот и все, что я хотел рассказать о Комитете им. М. Вреде.

Теперь я хочу рассказать о некоторых, характерных для Териок, строениях и дачах и о некоторых териокских личностях.

Начнем с железнодорожного вокзала. Жизнь териокской молодежи, можно сказать, во многом «базируется» на териокском вокзале. По вечерам здесь собиралось довольно много людей. Только что подошедший пассажирский поезд встречал полный перрон: приходили встречать и провожать своих знакомых и друзей. Когда приезжавшие со станций Карельского перешейка пассажиры из окон вагона наблюдали за приближающимся вокзалом поселка Териоки, то они с полным правом могли говорить, что «приезжают в город». И действительно, териокский вокзал был «по-городскому» комфортабелен. Здание вокзала было построено в годы первой мировой войны. В здании находился высокий светлый зал для ожиданий, три билетных кассы. По соседству с залом располагались рестораны первого и второго классов с уютными стойками, пальмами в кадках. Здесь всегда можно было получить чудесный кофе. Особенностью териокского ресторана было также то, что здесь

Териокский вокзал

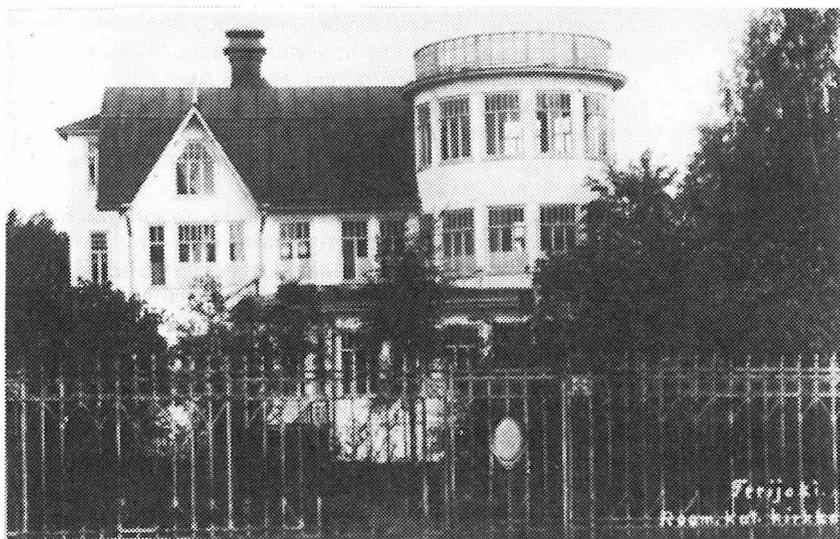
Ресторан териокского вокзала.

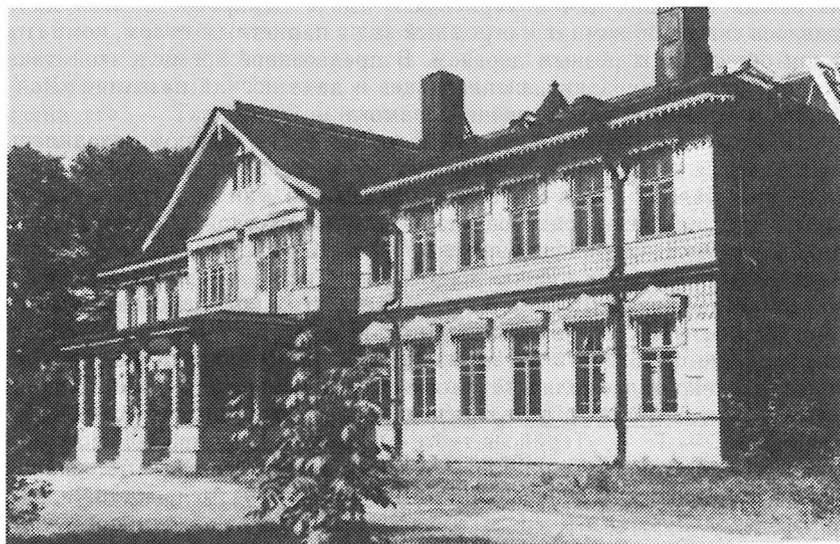
Лютеранская церковь (фото с дореволюционной открытки).

стоял на виду самовар, чего не было нигде в других частях страны. Два перрона были соединены туннелем, который остался и поныне на вокзале в Зеленогорске. Над главным перроном был бетонный навес. По величине териокский вокзал, конечно, уступал Выборгскому, а по красоте, пожалуй, равнялся, и вполне! Привокзальная площадь казалась огромной, липовая аллея, красиво окружавшая ее, как бы еще раз говорила, что Териоки — не деревня, а город, хотя официально в те годы этот поселок к городам причислен не был. Знаменитый виадук пропускал транспорт, направлявшийся к вокзалу и отходивший со стороны вокзала.

Но давайте с вами пройдемся по старым Териокам, по главной улице в сторону залива. Прежде всего вы увидите здание с торговлей железными товарами, принадлежавшее Алексею Ивановичу Шахову — известному в Териоках богачу и жертвователю денежных сумм на благотворительные цели.²³ Далее вы достигаете «постоялого двора» Дворянчиковой, затем идут пшечбумажный магазин Сеппянена, часовой магазин Миеттинена, обувной магазин, ювелирный магазин Бруно. Вы видите дом Никифорова, напротив которого известная кондитерская Трубе, рядом — рынок. Вот и «Сатанинский переулок», здание Национального банка,²⁴ торговли «лепятся» стена к стене. Вот и кооператив²⁵ — сюда можно было поступить на службу лишь по предъявлению доказательств того, что ищущий работу находится в списках шюцкоровцев²⁶ (аппарат работал весьма точно!). Против кооператива начинался «Кузнечный переулок», по которому можно дойти до начальной школы «верхним путем». На этом пути невозможно обойти и дачу Новикова — великолепное здание с крышей из черепицы и вышкой. Здание обнесено

Католический костел (дача Нечаева).

Дача Захарова.

забором и живой изгородью из елочек. Ходить нашему брату по двору не разрешалось, но проходивших мимо всегда тянуло заглянуть в калитку: виднелся бассейн с фонтаном. Помещалась в этой даче комендатура пограничного округа, позже здесь был офицерский клуб. Дачу эту можно считать одной из лучших в Териоках.²⁷

Пройдя мимо дач Бурцева и Шувалова, наконец, вы достигаете школы.

Если же вы продолжаете свой путь мимо Борисовской дачи, по Большой дороге (Виертотие), то проходите торговый ряд, где главными продавцами будут татары, они торгуют платьем и тканями. Помню, однажды я поставил в очень неудобное положение перед торговцем мою мать. Примеряя новую зимнюю шапку, я попросил мать купить мне ее. Мать начала торговаться с хозяином магазина, татарин не уступал. Я пустился в рев: «купи да купи!» Мать не соглашается. Татарин и говорит: «Покупай, барыня, видишь, сын плачет». Денег у нас было, по-видимому, в обрез. Мы вышли из магазина. Помню, после этого случая татарин матери больше ничего не продавал, все отвечая: «Нет, барыня!»

Говоря о териокских татарах, интересно отметить, что жили они между собой очень дружно, были организованы, устраивали курсы языка для своей молодежи.²⁸

После татарских рядов красовалось здание банка — «Савокарьялан осакепанкки», напротив которого располагалась гостиница «Монрепо» в доме еврея Гащуля (позже Салмела), который владел также похоронным бюро. Дом его стоял на углу «Захаровской улицы», ведшей к одной из самых больших дач в Териоках — даче Захарова. В этой даче имелось свыше 36 комнат и огромный зал с паркетным полом, комнаты были облицованы резным деревом. В предвоенное время в этой даче помещались организации шюцкоровцев и дача носила название «Раялинна», что значило «Пограничный замок».

По сторонам этой же дороги был разбит сад, в котором находилась лютеранская церковь (ныне кинотеатр «Победа»,²⁹ напротив стоял кинотеатр «Калева». Идя дальше, можно было увидеть католический костел³⁰ и, наконец, красивое здание нашей русской церкви. Между участками костела и нашей церковью располагалось садоводство Борисова (здесь я когда-то поливал цветы — мой первый заработок!). Левее располагалась дача Балакшиных (позже почта), полицейское управление. Напротив костела находилась кондитерская Солнцева. Спускаясь вниз, можно было дойти до аптеки Корхонена (вторая аптека находилась недалеко от вокзала), затем пивоваренный завод, позже ставший дрожжевым и винным, здесь изготавливалось пиво под известным названием «Т — Т» — «Терийоен туоте»! Отсюда же начиналась дорога в сторону Куоккала и границы. Напротив аптеки Корхонена находился знаменитый «Общественный дом» («Сеурахуоне»), где выступал наш театр. За этим домом располагался плац для спорта, с крытой эстрадой, где в летнее время выступал духовой оркестр. !

Со стороны аптеки следующим строением было здание финской народной школы, за которой пустырь, где устраивался иногда «Тиволи» — балаган с каруселями. Далее располагался большой парк с дачей —

гостиницей и рестораном под названием «Мерикюлпюля». После войны в Зеленогорске в этом помещении находился ресторан «Жемчужина»,³¹ позже сгоревший, напротив этого места находится ресторан «Олень». Аллеи из вышеупомянутого парка выходили к берегу моря, где и располагался знаменитый териокский пляж, вход на который был платный. Здесь были все удобства для купания: купальные будки, буфет, «гигантские шаги», вышка для катания на водяных салазках и т. п. Песок на пляже был великолепный, только вот погода не всегда была удачная.

Идя со стороны вокзала по дороге к западу, можно было дойти до здания русской начальной школы (это строение осталось), напротив стоит и теперь здание, где раньше располагалось гостиница и ресторан «Пуйстола». Далее шла торговля В. М. Пошехонова.³² Надо сказать, что в Териоках было три торговли Пошехоновых: одна в центре недалеко от аптеки Корхонена, вторая — Алексея Васильевича Пошехонова (он был и старостой церкви) — в конце Андреевской улицы, и третья — Михаила Васильевича Пошехонова — в районе Кякесенпя. Василий Михайлович Пошехонов — отец был известный купец, который, отбыв воинскую повинность в Санкт-Петербурге, решил не возвращаться в Ярославскую губернию, откуда был родом, а направил свои стопы в Финляндию, где и обосновался (произошло это в прошлом столетии).

Парки, сады с дачами охватывали в Териоках целые кварталы, всех дач, конечно, не перечислишь. Многие из них были весьма комфортабельными, такие как дача Мюзер,³³ дача Ландезен, дача Хейкель — все они располагались в сторону залива и некоторые из них, имея парки, пересекали своими участками даже Куоккальское шоссе. Интересно отметить, что очень часто дачи носили название, соответствующее имени жены владельца: «Анино» — дача К. С. Богданова, жену звали Анной Константиновной, «Танино» — дача полковника П. П. Александрова, жена его — Татьяна Домиановна. Особенно роскошными считались дачи-дворцы Захарова, Иванова, Шитова, Седеркреуц, графа Ностиц, графа Шереметьева. Было здесь и ателье художника Леви, дача Дальберга с артезианским колодезем, из которого была вода со страшной силой и зимой и летом. Роскошные дачи имели князь А. Оболенский, князь Демидов — Сан-Донато.³⁴ Невозможно всех перечислить, это даже скупо нагоняет, можно сказать, устанешь и читать! Одним словом, богатые имели дачи и состояние и таковое проживали и беднели, а рабочий человек своим трудом наживал деньжонки и покупал у богатых за бесценок маленькие дачки, ремонтировал их и жил в них. Таковыми были церковный сторож Д. И. Иванов и Иван Иванович Ерофеев. Про дядю Митю я уже рассказывал, теперь мне хочется сказать несколько слов о И. И. Ерофееве.

Раз, проходя мимо фотографии «Вирола», на рекламной доске под стеклом я увидел цветное фото И. И. Ерофеева. Помнится, что фотопортрет очень удался, свойственная Ивану Ивановичу улыбка была схвачена умело. У него были искрящиеся, немного прищуренные глаза, в которых выражалось очень много. Говорят, «глаза — это зеркало души». Все лицо его было довольно «сжатое», от глаз разбегались морщинки, мелкие-мелкие, жиденькая бородка придавала лицу известную

Дача Новикова

краску, и весь его облик был загадочно привлекательным. Жизнь не баловала Ивана Ивановича и всю семью его: труд и труд с утра до вечера наполнял его жизнь. Он был невысокого роста, приземист, силен и вынослив, работу ему приходилось выполнять разную и нередко довольно тяжелую. По профессии его можно назвать маляром. Он брал небольшие подряды и великолепно выполнял их. Одним из больших подрядов была покраска церковных куполов в небесно-голубой цвет. Помню, как он сидел, привязанный к главному куполу нашей высокой колокольни, бесстрашно передвигаясь от покрашенного места на новое. Леса, окружавшие колокольню, были придуманы им очень рационально. Его сын Федор Иванович смело таскал краску на верхотуру. Действительно, надо иметь железные нервы, известную отчаянность, чтобы справиться с такой трудной работой!

Иван Иванович был и огородником, выращивал зелень и сбывал ее клиентам. Мой отец часто заходил к «Ерофичу» в оранжерею, чтобы получить совет по выращиванию овощей. На досуге Иван Иванович любил читать, особенно Достоевского, и по прочитанному рассуждать, философствовать. Отдыхал он, наслаждаясь хмельным пивом, квасом, который приготавливала его супруга Мария Петровна.

Я много общался с Иваном Ивановичем, даже как-то пытался помогать ему в малярском деле, но, помню, у меня ничего не вышло из-за моей беспомощности, и я был с позором «отставлен».

Таков был И. И. Ерофеев. Скончался он в Хельсинки.

В Териоках, благодаря близости к Санкт-Петербургу, селилось много известных, знатных людей. О встречах с некоторыми из них я хочу немного рассказать. На даче доктора Боткина (того знаменитого Боткина, капли которого до сих пор продаются в аптеках у нас в Финляндии) после революции жил генерал Владимир Николаевич Воейков, бывший

комендант императорского дворца. Очень хорошо помню его роговые очки и толстые стекла, очевидно, он был близорук. Генерал Воейков часто заходил в наш дом, где жила В. Н. Абрамовская, наша соседка по квартире. Встречая нас, т. е. меня и моего приятеля, еще на улице перед школой, он ласково приветствовал нас и давал нам по карамельке, приговаривая «Вот вам обоим письма!», — и вынимал из кармана обычно карамель «Кис-кис» (два котенка играли на картинке обертки). Часто, завидя генерала, мы радостно бежали ему навстречу. В. Н. Абрамовская часто бывала в гостях у Воейкова, там она встречала Анну Вырубову (урожденную Танееву), фрейлину императрицы.³⁵ Воейков был женат на дочери графа Фредерикса, а А. В. Вырубов, муж Анны Танеевой, был троюродным братом Воейкова. Имя генерала Воейкова было хорошо известно местным жителям.

Вспоминаются также имена военных, живших в Териоках после революции: генерал Александр Голдтгойер из свиты Его Величества, генерал Владимир Бойсман, участник первой мировой войны, генерал Ермаков и другие. Князь Урусов имел в Териоках свое дело, он часто заходил в школьную библиотеку. Одевался он в папаху и военную шинель, без погон, конечно.

Имя князя Оболенского стало известно териокским русским жителям значительно позже. Еще до революции он построил большой дворец на озере Сайма, но позже, в 30-е годы, его семья переехала в Териоки, где приобрела дом. Мне приходилось бывать у Оболенских. Дело было в 1937 году, когда я был приглашен как аккомпаниатор Лидии Львовны Губченко. Мне не приходилось ранее бывать в домах высокопоставленных особ и я, признаться, волновался, когда входил в прихожую дома Оболенских. Опасения мои были напрасны — обаяние князя Алексея Оболенского меня обезоружило. Помню, как он меня подталкивал рукой в спину, подсказывая, к кому надо было подойти в первую очередь и затем дальше по чину (помнится, тогда присутствовали генерал Воейков и много других, незнакомых мне людей). Князь был верующий, регулярно посещал церковные службы, как и его жена княгиня Ольга Оболенская. Позже я встречал Оболенских в Стокгольме, заходил к ним несколько раз в пансионат, где они жили. Сам князь однажды мне рассказал, как он был невольным свидетелем маленькой курьезной сцены в териокском храме. В конце 30-х годов обслуживание будничных служб в церкви было трудновато, так как церковный староста был занят и часто не приходил на службу, и тогда церковному сторожу приходилось буквально разрываться, чтобы попеть и позвонить, и спуститься с колокольни, и вовремя появиться за свечным столиком, и продать желающим свечи и т. д. Моя мать взялась помогать в такие трудные моменты. Случилось раз, что мама моя запоздала и пришла на пятнадцать минут позже, служба уже шла, и сторож был очень расстроен. Увидев мою мать, он не то что обрадовался, а наоборот, сорвал свою досаду на ней, сказав: «Раз взялись, то надо приходите вовремя, а не опаздывать». Князь стоял рядом у свечного столика и слышал и видел всю сцену, улыбаясь, он сочувственно сказал моей матери: «Что, попола!.. Не волнуйтесь, все устроится!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и прошла перед читателями «Русская жизнь в Териоках». Сейчас, когда пишу я эти последние строки, мне хочется напомнить те слова, которыми я начал эти воспоминания: «Все, что помню, то расскажу... Возможно, будут неточности, может быть, позабуду что-нибудь. Да простит мне читатель эти промахи». Действительно, возможно, я многое забыл из того, что важно именно для териокского старожила. Прошу простить меня, так как писал я урывками, мне было трудно установить контакты с теми, кто помнит лучше меня. У меня получились только какие-то наброски, не всегда удачные, некоторые, может быть, и удались.

Мои воспоминания не претендовали на историю Териок, нет, что касается истории, то здесь осталось много ненаписанного. Не в этом дело, а в том, что эти, рассказанные мной, эпизоды, может быть, послужат необходимым материалом для возможного исследования о русской жизни на Карельском перешейке, о влиянии Петербурга—Петрограда—Ленинграда на этот район.

Русская жизнь в Териоках — это часть русской культуры, часть русской жизни, которая была весьма красочна, весьма насыщена чем-то живым, стремлением сохранить прежние традиции, не сливаясь с местным финским населением, наоборот, твердо придерживаясь «своего» русского начала. Мы были «чужими» в то время в Финляндии, начавшей строить свое национальное государство, и тем не менее мы смогли сохранить свое родное РУССКОЕ!

ПРИМЕЧАНИЯ

Воспоминания П. Миролюбова «Русская жизнь в Териоках» печатались в Финляндии в журнале «Наша жизнь» (орган Русского культурно-демократического союза в Финляндии) в 1973—74 гг. Настоящий текст воспоминаний печатается по рукописи, любезно предоставленной автором в наше распоряжение.

¹ Старые и новые названия населенных пунктов, постоянно встречающиеся в тексте:

Оллила — Солнечное, Куоккала — Репино, Келломяки — Комарово, Тюрисевя — Ушково, Райвола — Рошино, Койвисто — Приморск, Райяйоки — финское название р. Сестры, также называлась пограничная железнодорожная станция. Новые названия эти и другие поселки Карельского перешейка получили в 1948 г. по Указам Верховного Совета РСФСР.

² Правильно — *Терийоки*, но среди русского населения закрепилось произношение и написание *Териоки* (в мн. ч. — из Териок, в Териоках).

³ В 1870 г. началось движение по Финляндской железной дороге, соединившей столицу России Санкт-Петербург с Великим княжеством Финляндским. Долгое время Териоки оставались единственной станцией на участке между границей (Белоостров) и Выборгом.

С этого времени и начинается интенсивное заселение деревни, которая вскоре становится одним из популярных мест отдыха жителей Петербурга.

⁴ Очевидно, имеется ввиду не постоянное население, а дачники.

⁵ Авторы популярных в дореволюционной России учебников по математике.

⁶ Галкин Илья — крупный фабрикант из Райвола, владелец лесопильного завода и электростанции.

⁷ «Земгор» — Земский (Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам) и Городской (Всероссийский союз городов) союзы. Объединенный комитет этих общественных организаций — Земгор — был создан в июле 1915 г. для помощи правительству в организации тыла. Упразднен декретом СНК в январе 1918 г., но продолжал свою деятельность за границей, в частности, оказывал большую помощь русским учебным заведениям в различных странах.

⁸ Козловский Александр Николаевич (1864—1940) — генерал русской армии, с 1920 г. — начальник Артиллерии крепости Кронштадт. С началом Кронштадтского мятежа 1921 г. объявлен В. Лениным и Л. Троцким его инициатором и главой, что не соответствовало действительности. После подавления мятежа жил и умер в Финляндии.

⁹ Часть мятежников из Кронштадта (примерно 8 тыс. матросов и офицеров и 2 тыс. гражданских лиц) бежали по льду Финского залива в Финляндию, в Териоки. Здесь они были интернированы, в течение трех месяцев находились в лагере около форта Ино (ныне пос. Приветненское), затем часть из них вернулась в Советскую Россию, часть осталась в Финляндии.

¹⁰ Воейков В. Н. — комендант Императорского двора.

¹¹ И. П. Павлов с женой в 1922 г. отдыхал на даче в Келломяки.

¹² Зилотти Александр Ильич (1863—1945) — русский пианист и дирижер, профессор Московской консерватории. С 1919 г. жил за границей, преподавал в Джульярдской музыкальной школе (США).

¹³ Церковь построена по проекту архитектора Н. Н. Никонова.

¹⁴ Осенью 1924 г. сильная буря и наводнение разрушили в Териоках большое количество дач, песком была занесена дорога Келломяки — Куокалла, повалены деревья и т. п.

¹⁵ В 1923 г. Финляндская православная церковь перешла из подчинения Москве в подчинение к Константинопольскому патриарху, с этим были связаны некоторые изменения в церковной жизни.

¹⁶ Бобриков Н. И. — генерал-губернатор Финляндии, погиб в результате террористического акта в 1904 г.

¹⁷ «Циммермановский переулок» — сейчас ул. Театральная. В те времена на этой улице находился дом доктора Эдгара Карловича Циммермана, заведующего санаторием «Питкяярви» (на территории нынешнего поселка Ильичево), где в 1918 г. скончался Г. В. Плеханов.

¹⁸ См. примеч. 17.

¹⁹ Коралли (Каралли) Вера Алексеевна (1889—1972), русская артистка балета и кино. С 1906 г. выступала в Большом театре, участвовала в «Русских сезонах» С. Дягилева. С 1914 г. снималась в кино, одна из первых русских кинозвезд. С 1918 г. жила и работала за границей.

²⁰ После войны А. И. Любимов преподавал в Хельсинкской консерватории, руководил оркестром Театра оперы в Хельсинки.

²¹ Преображенская Ольга Осиповна (1871—1962), русская артистка балета, педагог. С 1889 по 1921 гг. выступала на сцене Мариинского театра, с 1921 г. жила и работала в Париже.

²² Зайцев Борис Константинович (1881—1972), русский писатель, автор произведений «Дальний край» (1913), «Голубая звезда» (1918), «Москва» (1939) и др. С 1922 г. — в эмиграции.

²³ Здание сохранилось, сейчас в нем размещается типография.

²⁴ Здание сохранилось (пр. Ленина, 23).

²⁵ Крупная торговая кооперативная фирма “Kannaksen Osuusliike” размещалась в здании, сохранившемся в перестроенном виде (пр. Ленина, 21).

²⁶ Шюцкор (от шведского skyddskar — охранный корпус) — военизированная организация в Финляндии в 1917—44 гг.

²⁷ Здание сохранилось (Исполкомовская ул., 6). 2 декабря 1939 г. в этом доме разместилась резиденция так называемого «териокского правительства» во главе с О. В. Куусиненом, ставленником Москвы.

²⁸ В Териоках был и татарский молитвенный дом.

²⁹ Лютеранская церковь построена в 1907—08 гг. по проекту архитектора Йозефа Стенбэка.

³⁰ Костел размещался в бывшей «даче Нечаева». Большинство католиков были поляки, осевшие в Териоках в годы первой мировой войны, костел так и называли — «польская церковь».

³¹ Здание сгорело в 1968 г. В 1912 г. в этом здании жили актеры во главе с режиссером Мейерхольдом, которые выступали на сцене Териокского казино.

³² Здание сохранилось (Приморское шоссе, 559).

³³ Здание сохранилось (Театральная ул., 9).

³⁴ Демидов Павел Павлович, князь Сан-Дonato, племянник А. Н. Демидова, крупного промышленника и благотворителя (учредил «Демидовский дом призрения трудящихся» и первую детскую больницу в Петербурге). П. П. Демидов — единственный его наследник. После революции жил в Финляндии.

³⁵ Вырубова (Танеева А. А.) (1884—1964), фрейлина и личный друг императрицы Александры Федоровны, поклонница Г. Распутина, с 1920 г. в эмиграции в Финляндии.

РАССКАЗЫ

ДВА ТЕРИОКСКИХ РУССКИХ БАСА

8 августа 1969 года в Хельсинки умер Сергей Борисов, а на днях, 12 ноября 1972 года, в фабричном местечке Войкка скончался Микко Муртамо, бывш. Михаил Дмитриев.

Мне хочется поделиться с читателем моими воспоминаниями об этих двух интересных дарованиях. Они оба родились в Териоках, оба учились в Териокском Реальном Училище и у обоих были прекрасные голоса — настоящие русские басы.

В Териоках был церковный хор, довольно большой и неплохой. Руководил им мой отец, Федор Васильевич Мироллюбов. Вспоминается мне то время, когда, будучи еще мальчиком дошкольного и школьного возраста, в период 1923—30 гг., я был увлечен хоровым пением, как церковным, так и светским. В то время у нас в Териоках устраивали светские и духовные хоровые концерты, давались вечера хоровой музыки. Приезжали ставить пьесы драматические кружки из Райвола и Келломяки. Сергей Тихонович Путилин поставил в Райвола две оперы — «Руслан и Людмила» и «Русалка». Жизнь русской колонии кипела.

В нашем доме часто упоминалось имя Миши Дмитриева. Говорили: «Вот, жаль, что Миши нет, — или — обидно, что Миша опять не пришел на спевку». И вот как-то он заявился и неожиданно пришел на хоры, и тут «пошла сразу музыка не та», хор почувствовал силу, сразу появилась уверенность и блеск.

Миша обладал так называемым «бархатным басом» с большим диапазоном, с итальянской широтой звука. Голос, красиво выделяясь, сливался с хором и давал ему мощность и красоту. Он пел громко, но не кричал на верхних нотах, а воспевал их.

Жизнь его сложилась, можно сказать, неудачно. В начале, как будто, повезло. Единственный сын, «баловень природы», красавец, высокого роста «молодец», он подавал надежды, и большие. Родители отправили его в столицу учиться музыке, он был принят в консерваторию, где занимался и по классу пения и по классу рояля. Поступил в оперный хор. Имея очень привлекательную наружность и мягкий характер, он стал, к сожалению, манкировать занятиями, и родители отозвали его восвояси — так он и недоучился.

Вернувшись домой в Териоки, он не получил подходящей для себя работы и был вынужден стать ресторанным музыкантом. Ресторанов в

Териоках было немного, да и те работали, за малым исключением, не круглый год. Время было трудное, и он устроился продавцом в железную лавку, а вечерами поигрывал в ресторанах.

Обладая очень отзывчивым характером, он со всеми жил в мире, и с финнами, и с русскими (в то время он переименовал фамилию Дмитриев на Муртамо). Участвуя и выступая в составе финских хоров, любительских спектаклях, он также не порывал связи и с русской колонией. В то время в Териоках треть населения составляли русские. Он разделял горе и радости тех и других, старался со всеми ладить, был любим и теми и другими. К тому же он был хороший спортсмен-футболист. Во время войны он очень много помогал советским пленным, стараясь облегчить их участь.

Помню, как сейчас, что он очень боялся высоких нот. В известном песнопении «Покаяния» Веделя имеется басовое соло «Множества» и «Окаянный трепещу». Так вот, это место он всегда брал октавой ниже. Как-то раз я уговорил его взять вверх, он расхрабрился и, действительно, результат был поразительный. Вся церковь наполнилась силой и красотой его баса. Голос его лился, так внушительно звучал полнотой металла, как колокол, что подобного такого второго звучания мне больше не приходилось слышать. Из сольных вещей остались в моей памяти «Ныне отпускаеши» Строкина, которое он спел в Хельсинки на концерте Карельского хора в 1966 году. Это была моя последняя встреча в Мишей. В день смерти Миша утром пропел все свои любимые вещи — вечером его не стало.

С ним в том же церковном хоре пел Сергей Борисов. Он был моложе Миши (род. в 1911 г.), но пришел в хор еще при моем отце и был весьма робок в пении. Раз я полюбопытствовал у отца, почему Сергей едва рот раскрывал и пел весьма неуверенно. Отец объяснил, что он «прислушивается». Я тогда не понимал, почему надо в хоре прислушиваться, а не петь. Спустя некоторое время Сережа уехал в Выборг на заработки. Вопрос работы был очень труден в то время. В Выборге он стал учиться у Шкловской, известной учительницы пения (она ставила многим голоса). Вернулся он в Териоки уже певцом-любителем. У него открылся голос — прекрасный бас.

При мне, в период 1935—39 гг., он был активным певцом как в церковном, так и в светском хоре. Он часто выступал солистом на вечерах и вечеринках. Пел он также и ответственные сольные партии в церковном репертуаре. Особенно силен он был в русской песне. Помню один случай: праздновали свадьбу в школьном помещении, после официальных чае-кофепития к концу пиршества кто-то уговорил Сергея спеть, и он спел без аккомпанимента, как Шаляпин, русскую песню «Вот мчится тройка почтовая». Песня эта, весьма знакомая, забитая, вдруг заново родилась. Голос Сергея все крепчал и звучал во всех диапазонах. Мороз по коже пробирал, насколько это пение было вдох-

новенно и сильно... Мне приходилось часто слышать эту знаменитую любимую песню, но никогда я не переживал ничего подобного. Этот момент подобен открытию таланта...

Сережа принимал деятельное участие в работе русской колонии, участвуя и украшая вечера и концерты пением. В 1937 г. в Териоках на Пушкинском вечере он пел арию Руслана из оперы «Руслан и Людмила». У Борисова в голосе и манере петь было что-то Шаляпинское, правда, техникой он не обладал и должного музыкального образования не получил, но у него, по-моему, было большое самобытное дарование — голос — русский сочный выразительный бас.

Жизнь его, как и многих русских в Финляндии, сложилась неудачно. Работая, где придется и что придется, он все же не унывал. Вспоминается его обворожительная улыбка, его увлечение футболом и танцами. Никто как он не умел танцевать вальс (кроме его брата Мути) — русский быстрый вальс.

Перенеся войну и получив на ней ранение, Сережа продолжал петь в хорах — «Русском хоре» и «Хоре В. И. Крутова». Но здоровье постепенно сдавало, и к концу своих дней он уже не пел нигде. Злой недуг — рак — прогрессировал и ему стало известно, что дни его сочтены. Тут замечательна удивительная покорность судьбе: Сережа незадолго до смерти обошел своих товарищей по работе и простился с ними навек!

Вот так прошли мимо нас два одаренных певца. Жизнь идет и прошедшее забывается. Может быть, эти строки кому-нибудь напомнят те годы и тех двух териокских русских басов, которые жили среди нас и пели для нас.

1972

СМЕРТЬ МАТЕРИ

Он не верил, что мать так быстро умрет. Нет, конечно, он знал, что мать умрет, но не думал о такой «неожиданной» смерти. Хотя, смерть всегда неожиданна, то есть, как ни болей, как ни страдай человек, как ни жди смерти, все равно она подкрадывается как-то из-за угла. Мы не можем сказать себе, что завтра меня не будет... И это... хорошо...

Ему, сыну умершей, позвонила заведующая домом призрения: «Ваша мама тихо скончалась сегодня в 13.40», — «Как же так, — опешил сын, — вы еще утром мне сказали, что мама чувствует себя бодрее и, наверное, вы переведете ее в комнату, не так ли?» — «Да, да, — вторила заведующая, — можете себе представить, Ваша мама и кушала сегодня самостоятельно, сидя на кровати, затем прилегла отдохнуть и... так и заснула вечным сном...» Это известие его буквально ошеломило, но он как-то быстро собрался, не растерялся. Быстро позвонил в похоронное бюро, и все дело как-то само собой пошло.

Сейчас он уже приехал домой с женой после поминок и, усевшись на диване, погрузился в размышления о жизни и смерти... Ему показалось, особенно сейчас, что жизнь человека действительно коротка. Вот и мать его, хотя и прожила длинную жизнь — ей было почти 92 — но все-таки ощущение ее «отсутствия» было каким-то очень быстрым. Мы, очевидно, способны все очень быстро забывать, это присуще каждому, только в различной форме и силе. Ему, сыну, как-то не показалась длинной ее, матери, жизнь, он как-то забыл, что мать так много прожила...

Вот когда умирает молодой, то мы скорбим, что он мог бы пожить еще, и мы рассуждаем по-житейски, мол, «молодому надо жить», и вот его Господь «прибирает», нам это непонятно, и мы, родные, сильно переживаем потерю. А тут совсем другое... Вот мать его, прожив долгую жизнь, не заставила себя как-то жалеть, нет, она ушла спокойно. До последнего вдоха была в сознании, накануне причастилась... Сразу после смерти ее тело было перенесено в домовую церковь при богадельне, в тот же день после службы провели торжественную панихиду. Так судил Бог, не нужно было звать духовенство специально на кладбище.

Его мысли неслись все дальше... Мать его всю жизнь почти прожила у церкви. По образованию она была учительницей, всегда находилась при школе, искренно участвуя в жизни церковноприходских школ вообще. Она вышла замуж за сына священника и регента церковного хора, который имел место народного учителя в местечке «Т». Всю жизнь она невольно была свидетельницей церковной жизни: регент-муж, хор, спевки, службы... Сын пошел в отца, после его смерти стал тоже регентом. Судьба забросила мать в чужую страну с чужим языком, где она покойно прожила всю жизнь, так и не осилив языка страны и таким образом сохранила в чистоте свою русскую речь.

Вспоминались годы послереволюционные, полуголодное состояние, американская помощь мукой, сгущенным молоком (склад со всем этим

продовольствием находился в школе, где жила семья). Было трудно, мать подрабатывала шитьем... Мысли перекинулись внезапно на последнюю войну, их, или, вернее, ее «второе беженство», скитание, боязнь за существование, бесподданство... И хорошее, милое и тактичное отношение чужих хороших, добрых людей: «Да благословит их всех Господь, что мне, бесподданной, дают помощь и не гонят меня, слава Богу!»

Мать овдовела довольно рано, прожив с мужем около 18 лет, вдовство свое она несла 45 лет. Были ей предложения выйти замуж, но, очевидно, из-за условий, отчасти из-за сына, она так и не вышла... Для него мать была всю жизнь «мамой», которая и не могла быть другой женщиной, принадлежавшей другому «отцу». Все это было эгоистично со стороны сына. После того как он женился, она стала нянчить его детей, была их любимой бабушкой.

Жизнь шла и вот, после припадка, мать свезли в больницу, а выписав, назначили ей режим, т. е. уход... и пришлось ей уехать в богадельню. «Ну, скажи, куда потом повезешь,» — сказала, тяжело переживая, мать сыну, когда он перевозил ее в дом призрения, и, перекрестясь, покорилась судьбе... Попривыкнув к новым условиям и получив в соседство подходящего компаньона-«подружку», она обжилась, ей, по ее же словам, было «очень хорошо».

Как странно, он не почувствовал, что она перекрестила его накануне смерти в **последний раз**. Он тогда спокойно, прощаясь, поцеловал ее, как обычно, в лоб и вышел из палаты...

В последние годы (мать успела пробыть в богадельне три года) она все хуже и хуже двигалась, ноги мучали ее всю жизнь, очевидно, отчасти этим она объясняла свое нежелание приехать к нему или, вернее, к «себе» на старую квартиру. Возможно в ней говорила подсознательная ревность или гордость, возможно, нет, но она к нему так и не приехала.

Возможно, он ощутил состояние смерти, когда клали тело в гроб. Он как-то именно ощутил: да, действительно, все было безжизненно. Ему было даже не неприятно видеть умершую мать, нет, и не жалко, только как-то странно было убедиться в том, что действительно теперь это только останки, которые в скором времени истлеют и обратятся в землю. Он почувствовал это тогда, когда уже в гробу лежащее тело не поддавалось одеванию и обе руки были закинута временно назад, они как бы торчали из гроба, тогда он понял, что тело действительно безжизненно, ему — телу — не больно, оно не чувствует ничего.

Он не заплакал, когда сейчас увидел умершую мать, которая вчера еще с ним говорила и спрашивала: «А тебе сегодня куда? На собрание или на выступление?» Мать жила его жизнью, хотя и не могла уже всего понять, но все же упрямо спрашивала о делах, интересовалась здоровьем внуков и невестки. Спросив, она моментально забывала и через две-три минуты снова спрашивала: «А тебе сегодня куда?» или «А как у вас?» Это были трафаретные вопросы. Он звонил ей каждое утро придя на свою работу и... удостоверился, что мать его еще жива. Он почему-то думал, что мать умрет ночью... и утром уже не ответит.

Когда умер его отец, мать сильно переживала, она знала, что у него рак и дни его сочтены. Но, сильно переживая она, не могла плакать,

даже на отпевании слеза не смочила ее щек, тогда подошла крестная мать сына и с укором сказала: «И вы все еще не плачете...» Теперь мать опустили в могилу той, которая тогда укорила ее в бесчувственности... Все условно и странно на этом свете.

Вспомнилось теперь, что и его слезы были только перед панихидой, когда дочь его подошла ко гробу со слезами и он, увидя плачущую дочь, сам в первый раз прослезился. Его дочь видела вещий сон, что бабушка скоро умрет, она видела, что бабушка лежит больная, положенная в белый гроб. Сон этот был за три дня до смерти!

Мать была для него частью жизнь, если не вся жизнь. Он себе внушал, что обязан заботиться о ней до самой смерти. Было много ссор с женой: «Почему тебе мать важнее семьи и меня, почему она не живет отдельно от нас?» Сколько было неприятностей из-за этих объяснений... Мать, хотя и была покладистым человеком, все-таки была упряма и моментами... любопытна: «Я ведь живой человек и хочу тоже что-то знать», — говаривала она, когда ей что-нибудь не договаривали.

Он сидел, облокотившись на спинку дивана, и как-то сейчас почувствовал, что он действительно **сирота**, в 60 лет он понял, что потерял мать. Когда-то давно, когда он был еще холост, он был очень удивлен, что его приятель весьма переживал смерть матери: «Вот, теперь я один», — сказал тот. Да, человек быстро уходит на «тот» свет, когда ему сулил Бог уйти...

Вспомнилось торжественное отпевание. Масса народу, бывшие воспитанники и ученики пришли проводить свою воспитательницу. Да, мама умела внушить доброе людям. Лицо матери было спокойно и красиво, из-под венчика виден был серый кружевной платок, нарядно обрамляющий ее лицо, оно выглядело как-то празднично и иконообразно. Вспоминалась молодая мама, когда она водила сына за руку в церковь, ласкала его, крестила. Она никогда не была излишне сентиментальной, наоборот, была сдержанно добра и участлива в его жизни. Он к ней всегда спокойно подходил со всеми своими трудными вопросами и никогда не встретил равнодушия с ее стороны.

Религиозность ее была естественная, трезвая, пронизательная и искренняя. Перед смертью она сказала ему: «Вчера батюшка, причащая меня, сказал про тебя, что ты очень много делаешь для церкви и что ты религиозный. Слава Богу...»

Невольно перенеслись мысли на «вещий» сон дочери... какая-то уверенность, что состояние души умершей матери в вечной жизни будет покойным... она сейчас следит за нашей жизнью и просит молитв и уверена, что их получит... Он вспомнил, что всегда перед трудным моментом жизни он просил покойного отца помолиться за него. Теперь он верит, что мать будет вечно молиться... там!..

Теперь все позади, жизнь продолжается, наша короткая земная жизнь. Недаром говорят: «Покойный приказал долго жить!»

Голос супруги нарушил его размышления. «Вечная память» звучала в его голове... Вечный покой тебе, дорогая мама.

Спасибо тебе за все... Мир твоему праху!

1977 г.

СУДЬБА МНОГИХ ИЛИ ЗАБЫТЫЙ ХУДОЖНИК

Василия попросили написать в местную газету несколько слов о деятельности его сверстников и предшественников, т. е. маленькое музыкальное обозрение в довольно узком аспекте. Жизнь русских за границей, особенно музыкантов, была весьма разнообразна и пестра. Иных волна фортуны подбрасывала довольно легко на известную высоту удач, других же безжалостно покрывала и смывала с поля действий. Многие потерявшие родину как-то устраивались и на чужбине, правда, не первоклассно, но довольно хорошо. Вопрос национальный здесь играл второстепенную роль, наоборот, на первый план выходило применение таланта. Необходимо было идти по пути меньшего сопротивления. Конечно, не все бойцы, и характер и напористость играли немаловажную роль.

Василий заинтересовался, даже весьма, таковым предложением и стал искать необходимые материалы. Копаясь в бумагах, Василий неожиданно столкнулся с наследием своего предшественника, дирижера местного оркестра народных инструментов Ивана Владимировича Петрова, или, как у нас привыкли говорить, дирижера балалаечного оркестра. Нужно было написать несколько строк о его деятельности и о его учебе, т. е. маленькую биографию. У Василия сведения были весьма скудными. Он довольно хорошо знал большого мастера лично, но сведения о его жизни были сбивчивые, где-то говорилось о его месте рождения и о его деятельности в качестве оперного дирижера, о его заграничном турне сразу после революции 1917 года, но точных данных у Василия не оказалось. Маэстро Петров был уже давно в могиле, умер он одиноким, единственный брат скончался еще раньше, сестры были за границей и Василий их не знал. Жена брата мало знала о маэстро, так что Василию пришлось разыскивать людей, у которых остались хоть какие-нибудь материалы, связанные с жизнью дирижера, его ноты, документы. Василию после долгих розысков указали один адрес, где проживал оперный певец, уже в преклонном возрасте, к которому и перешло все, касающееся творчества покойного маэстро. Этот певец был неизменным солистом в концертах маэстро, чаще всего навещал его при жизни, поэтому ему и были переданы оставшиеся от покойного ноты и папки с другими творческими материалами. Василию удалось разыскать оперного певца и получить без особого труда папку с нотами и бумагами покойного. Разбирая ее, Василий наткнулся на ноты, написанные рукой маэстро. Сначала Василий особенно ими не заинтересовался, но и перерыв всю папку, он снова стал перелистывать рукопись дирижера и обнаружил, что перед ним произведение самого маэстро — вторая часть струнного квартета.

Тут припомнились Василию встречи его с покойным, рассказы дирижера о своей жизни... Кристаллизовались воспоминания, те немногие

разговоры, где он, Василий, и маэстро рассуждали о музыке, о дирижировании, о композиции и т. п. Вспомнил Василий, как он, сидя за чашкой чая, слушал прикрашенные юмором рассказы. «Вы можете себе представить, — рассказывал маэстро, — я учился вместе с Дмитрием Шостаковичем, слушал его вещи еще учеником консерватории, он уже тогда поражал своим дарованием: знаете, сидит на репетиции и, слушая свою вещь оркестровую — хохочет! Вы можете себе представить, смеется над тем, что сам написал! Его спрашивают, в чем причина смеха, а он отвечает: «Не понимаю, что я здесь навалял!» Тут он немножко нервно разводил руками, глаза его искрились, он брал себя за нижнюю губу и, поджимая брови, ухмылялся.» А теперь, когда он приехал в нашу страну — я позвонил ему и просил о встрече — он, приятно «узнав» меня, не принял, т. е., когда я пришел в указанное место, то там его не оказалось — он уехал, ничего не сказав — вы можете себе представить?!» — грустно закончил маэстро. «Да, ситуация изменилась, — подумалось тогда Василию, — прошло ведь пятьдесят лет, революция, войны...»

Маэстро был в молодости приятным обаятельным мужчиной, свое обаяние он сохранил до самой смерти. Он был уважаем. Высокого роста, аккуратный, с манерами светского человека, он очень хорошо выглядел на эстраде. Дирижировал он немножко нервно, но элегантно, его пластику сравнивали с сами Тосканини. И так, судьба забросила его после турне по Европе — он ездил по городам и странам с русской оперой — на чужбину. Иван Петров оказался в Финляндии, разбитый невралгией, почти что в беспомощном состоянии. Мать ухаживала за ним и выходила его.

Почему он оказался в Финляндии? — спрашивал Василий себя. Да, действительно, почему? Оставить пост оперного дирижера, потерять контакты со сверстниками и, благодаря тому, что когда-то его предки, имея собственность в Финляндии, обязаны были принять финляндское подданство, переехать со всей семьей в незнакомую страну, без языка, и остаться без дела... Теперь это кажется безумием, а тогда, наоборот, спасением! В свое время, несмотря на молодые годы, маэстро Петров был замечен в петербургском обществе... «Я тогда написал “Вариации для фортепиано на русские темы” и сам Александр Глазунов обратил внимание на финал, особенно там, где тема проходила в ритме торжественного полонеза!» Василий понимал маэстро. «Знаете, я тогда оставил скрипку, Вы можете себе представить, я уже играл концерт Мендельсона, я перешел на фортепиано и композицию и дирижирование, нас гоняли на репетиции... Про меня уже говорили в гостинных разных домов: «Смотрите, вот он — Петров»... Да, я поднимался в музыкальном мире столицы, но затем переехал в провинцию, на юг России, уже дирижером оперы, и там меня застала революция... Мне бы надо было пережить, но грубость того времени, голод... я соблазнился мечтой стать знаменитостью Европы, тогда ведь велико было обаяние заграницы... И я сделал непоправимую ошибку и... остался ни с чем! И знаете, что меня спасло? — **балалайки** и кабацкая игра. Вы представляете, я тогда был разбит и психически и физически, я не мог сам встать с постели, меня

мать одевала, а музыка — в кабаке я играл в маленьком ансамбле. Представляете, я, симфонический дирижер, сижу за роялем и бренчу романсики и песенки — смешно, даже трагично. И потом меня приглашают дирижировать балалаечным оркестром — там какие-то нелады с дирижером — я становлюсь за пульт дирижерский, но дирижирую балалайками и стремлюсь сделать из балалаечников музыкантов, и аранжирую симфоническую музыку и т. п.»

«Особенно я любил дождливую погоду». — «Почему» — сорвалось у Василия. «А вот отгадайте, — смеется маэстро. Да все равно не отгадаете, я уж вам, так и быть, помогу. Жил тогда я каждое лето у брата на даче. Мой брат ведь женился и довольно удачно — на сестре фабриканта, у них была дача и летом я там гостил. И вот, когда начинало дождить, я брал балалайку и начинал работать — писал аранжировки. Вы сами знаете — эта работа кропотливая, но весьма интересная, и я, увлекаясь, забывал невзгоды и свою неудачливость, и писал, писал... В оркестре появилась молодежь, я стал заниматься с ней отдельно, учил играть по нотам... они преуспевали, и неплохо...»

Василий ясно вспомнил его бенефис, или прощальный концерт. Программа его была составлена из лучших аранжировок маэстро, и когда очередь дошла до «Грустного вальса» Сибелиуса, то он, Василий, услышал симфонический оркестр — до того великолепны были аранжировка и исполнение, также хорошо была сыграна увертюра к опере «Кармен». Вот что сделал художник из любителей. «Я всегда волнуюсь, но вместе с тем для меня концерт — это праздник,» — часто говаривал он. Еще интересная черта — зная, что серьезные музыканты в музыкальном союзе не очень долюбливают «Оркестр народных инструментов», он часто просил: «Прошу вас, не говорите, что я дирижирую балалайками!»

Находясь на чужбине, не зная финского языка, он был в очень трудном положении. Затем он кое-как выучил шведский и им обходился в магазинах. Сначала по приезду он пытался поступить в местную оперу, но в то время в финской опере было до того много иностранцев (и русских, и шведов, и чехов), что директор оперы не рискнул тогда пригласить маэстро Петрова. В то время высоко поднимали головы крайне правые реакционные круги, и все русское было обречено на неудачу. В тех условиях русские в Финляндии стремились объединиться, и поле их действий было довольно обширно. Маэстро был даже приглашен дирижировать церковным хором. Кстати, маэстро Петров был мало знаком с церковным пением и вообще с церковью, для него были чужды церковные обряды, разве только Пасха была как-то знакома. Раз он пришел в церковь по поручению жены своего брата за просфорами, и, не зная порядка службы, попросил у старосты: «Нельзя ли поскорей устроить просфорки?» Староста смело ему заметил, что, мол, еще не полагается, придется немного подождать, но маэстро никак не мог этого понять, он был знаком со священником и думал, что это можно устроить и по знакомству, т. е., иными словами, он был вольнодумцем, или неверующий в церковные обряды.

Его незнание и непонимание языка страны доводило до курьезных ситуаций. Раз он послал своему знакомому за границу пасхальные яйца, и так как посылка своевременно не дошла, то стали разыскивать: где, что и как? И однажды приходит на дом к Петрову почтальон и подает ему квиток и просит расписаться, и что-то при этом говорит. Петров, не слушая, подписывает и протягивает руку для получения пакета, а почтальон принимает его расписку и уходит, ничего не дав. Маэстро начинает руками и движением показывать: где, мол, посылка? Почтальон все что-то говорит и уходит. Маэстро стоит растерянный: что, почему он сейчас подписывал. Оказывается, что почтальон приходил за распиской в том, что маэстро действительно послал пакет и в том подтверждает его подпись. Выясняется, что спустя два месяца посылка дошла до назначения, и шоколадные яйца превратились в труху, остались лишь так называемые сюрпризы (игрушки, автомобильчики), которые и дошли до адресата.

Фактически материальная жизнь ему улыбалась, брат, благодаря жене, содержал его, маэстро имел много уроков, дирижировал кинематографическим оркестром (записывал музыку к фильмам). Он не нуждался, имел хорошую квартиру... и прозябал, как большой музыкант, без применения своего дарования и своей музыки. Его струнный квартет так никогда и не был сыгран, остались только листы нотной бумаги с никому неизвестной музыкой.

ПРОФЕССОР

Судьба ученого

Он всегда шагал очень быстро, его было не догнать нормальному человеку. Портфель его был всегда набит бумагами или нотами и был весьма тяжел. Профессор всегда носил его с собой и поэтому правое плечо его было значительно ниже левого. Часто он носил с собой и фотоаппарат, старый «кодак», весь заклеенный изоляционной лентой. Он был высокого роста, с орлиным носом, который или от волнения или от аллергического воспаления всегда немножко «подтекал», поэтому носовой платок был всегда в ходу.

Звали его Дмитрий Андреевич Радов. Всегда приветливый, улыбающийся, он радушно встречал знакомых. Одет профессор был не то что «с иголочки», но с достоинством, всегда при галстукe (немного старомодном) и при «крахмалях», он не позволял себе распускаться. Дмитрий Андреевич Радов был всеми уважаем. Музыку он обожал, и, хоть и не был профессиональным музыкантом, обладал неповторимой способностью «читать ноты с листа». Его нельзя было назвать пианистом, но курс совместной игры на двух роялях он проводил в музыкальном институте весьма успешно.

Радов очень любил молодежь, прямо по-отечески встречал он каждого ученика, старался найти в нем долю одаренности, даже гениальности и т. п. Встречая нового ученика, он записывал в свою специальную таблицу имя, год и день рождения. Таблица была довольно большая: два листа склеивались в один, получалась «простыня». Наверху были числа в горизонтальном положении, т. е. дни и недели. Слева перечень учеников, играющих в его классе. Разбивал он учеников на группы: на сильных (это была первая группа), на более-менее сильных (вторая группа), на слабых и на очень слабых.

Одновременная совместная восьмиручная игра заставляла ученика прежде всего читать ноты, а исполнение же было уже второстепенным делом. В институте по классу рояля ученики были разные, встречались и виртуозы, но вся их учеба сводилась к технике пальцевой и зубрежке вещей. Получалось так, что игравший «Кампанеллу» Листа очень скверно читал ноты, и таковому курс профессора Радова был весьма кстати. Приходили к нему и любители-непианисты, ученики-теоретики (музыковеды) и с большим удовольствием играли. Попутно он занимался и воспитанием, в частности, учил правильно произносить иностранные слова, ведь по профессии он был не музыкант, а профессор восточных языков, защитивший диссертацию еще до революции. Вырос он в интеллигентной семье, где воспитание было поставлено на высоком уровне, особенно в отношении иностранных языков. Дома бонны говорили одна по-немецки, вторая по-французски, третья по-английски. Имея врожденную способность к языкам, он выбрал себе для изучения восточные языки: монгольский и родственные ему. Будущий профессор был послан в Монголию и там застала его революция...

Пришлось бросить ученую работу и перебраться в Финляндию — жена его была финской шведкой. В Финляндии он и обосновался. Вращаясь в финско-шведском обществе, он быстро освоил сначала шведский, затем и финский языки. Шведский он выучил досконально благодаря Библии, сравнивая тексты шведский и русский.

Несмотря на русское происхождение, он, благодаря языкам, нашел применение своим талантам в Финляндии. Сразу после революции он был назначен инспектором средних учебных заведений по просьбе Земгора. Никогда не унывал и не забывал, что он русский. Раздражать финнов своей русскостью он не старался, наоборот, при общении переходил на тот язык, который финна-националиста не раздражал. Мне хочется рассказать читателю один яркий эпизод из жизни профессора Радова. В 30-е годы шовинизм в Финляндии подымает крылья и все русское, даже местное русское меньшинство было в загоне. Местное радио Выборга в то время среди прочего передавало в эфир хоровую церковную музыку на церковно-славянском языке. Ведущий диктор был настроен в духе времени, и как-то у него сорвалось слово, которым все финны-«черносотенцы» считали своим долгом называть русских, оно, это слово, было подобно польскому «москаль» по отношению к русским, по-фински это было «рюссия». Вот диктор и сказал в эфир: «Слава Богу, рюссят кончили свое пение!» Слово это было оскорбительное и в официальных кругах не употребляемое. Профессор Радов эту передачу слушал (так как любил все русское) и также услышал слово, сказанное диктором. На следующий день профессор Радов помчался на радио и потребовал, чтобы диктор публично извинился за свою «оплошность». Дирекции местного радио ничего не оставалось делать, как уважить требование профессора, так как Радов был известен в Выборге. Поступок профессора можно назвать геройским, принимая во внимание остроту национального вопроса того времени.

А вот еще случай — пример его какой-то необъяснимой «боязни» показывать, что он русский (впрочем, это было свойственно многим русским, проживающим в Финляндии). Что Радов иностранец, это каждый финн мог сразу узнать из-за акцента в его речи. Возможно, приятнее или безопаснее было быть просто иностранцем, чем вызывать оскорбления своей русскостью. Так вот, Радов как-то находился в одном провинциальном финском городке, один музыкант, тоже из русских, проживающих в Финляндии, одолжил у него книжку о музыке. Неожиданно профессор и музыкант повстречались в музыкальном магазине. Музыкант увидел профессора и решил подойти и извиниться за задержку книги. Музыкант этот играл на скрипке в ресторане и любил отдавать должное Бахусу. Находясь в утренние часы в состоянии похмелья, он чересчур смело решил изъясняться на родном для обоих языке, т. е. на русском. Профессор уже уходил из магазина и, на ходу приветствуя подходившего к нему скрипача, хотел уже было улизнуть, как тот стал расшаркиваться и извиняться: «Простите меня, профессор, что я до сих пор не возвратил Вам Вашу книжку». Профессор испугался такой ясной речи и что-то невнятно в ответ пробурчал (это была его манера говорить с русскими): «Что Вы, какая книжка, пожалуйста, читайте..., ну, я спешу, до свидания...» Скрипач же не унимался: «Книж-

ка очень интересная, но я, простите профессор, перед Вами прямо свинья, что не возвратил до сих пор». «Да что Вы, какая ерунда, — бубнил себе под нос Радов, — ну, при случае как-нибудь... простите, я тороплюсь». Профессор старался вырваться из окружения скрипача, так как некоторые финны, вошедшие в магазин, стали внимательно прислушиваться. «Нет, уважаемый профессор, подождите, я Вам верну сразу же, вернее, занесу Вам, простите, где Вы живете? Я должник перед Вами. Простите меня за мою невежливость». Этих последних слов Радов уже не слышал, он уже был на тротуаре и вежливо раскланивался и направо и налево, снимая свой головной убор.

Как-то летом в провинциальном городе он проводил семинар русского языка при так называемом «Летнем университете». В столице в университете Радов заменял лектора по классу русского языка, но ему не давали профессуру, очевидно, из-за того, что он финский язык изучил довольно поверхностно, но как временный исполнитель должности он был там на месте. Обладая огромной энергией и любя, можно сказать, до безумия музыку, он старался везде, где бы ни был, организовать игру на двух роялях. Профессор получил и в провинциальном городке «Н» возможность в классах университета проводить восьмиручную игру. Нот у него было огромное количество, да и сам он в свободное время занимался транскрипцией финской музыки, т. е. перекладывал на два рояля симфонии Сибелиуса, причем делал это он очень рационально, весьма просто и удобно, несмотря на то, что не был профессионалом в музыке. Наладив, таким образом, помещение для игры, он подыскивал инструменты (необходимо было два рояля или пианино). Один инструмент было легко найти, так как во всех учебных заведениях уж одно пианино, хоть плохое, но найдется. Со вторым дело было труднее, нужно было найти где-то поблизости, привезти, и затем вопрос настройки бывал всегда весьма сложным. Побегав и поузнав и там и тут, профессор Радов достал и второй инструмент. Главным вахтер университета устроил ему переноску из верхнего этажа захудалого пианино. Назначались часы для игры. Собирались местные музыканты и ученики, уже окончившие курс. Раскладывались ноты. Рассаживались, и при взмахе палочки профессора начиналась игра. Кстати, Радов любил, чтобы его называли полюбовно «дядей», даже разрешал называть себя на «ты» по финскому обычаю. (У финнов принято при переходе на близкое знакомство употреблять «ты» почти что сразу, этому правилу следовал и русский профессор.) Занятия не всегда проходили гладко, музыканты расходились в ритме, так как кто-нибудь скверно читал ноты, другим не по плечу были технические трудности, но, самое главное, случалось, что инструменты были не настроены, т. е., кроме того, что они были расстроены, они еще не сходились в исходном тоне, то есть один инструмент был настроен выше, чем другой... Воображаете, какая шла какофония... Почти по Крылову: «Ударили в смычки...» по взмаху профессора, «дерут, а толку нет...» «Считайте: раз, два, три», — кричит «дядя». Один из участников, вежливый музыковед, медлительный финн, почему-то считал на четыре, он прекращает игру и вежливо извиняется: «Прости, „дядя“ Радов, я тут неверно считал, прости, не разобрал...» Опять начали сначала, как будто лучше, но нет — кто-то упорно играет в

другой тональности. «Дядя» выходит из себя и кричит, музыканты продолжают играть, не обращая внимания на вопли профессора, каждый, очевидно, думает, что врет сосед, какофония продолжается. «Дядя» не выдерживает и, не останавливая игры, подходит к виновнику и орет ему в ухо: «Играй же до-диез, я же сказал тебе, дураку — до-диез, а ты все свое». Виновник соглашается. Начинают играть вещь с новой буквы и постепенно игра налаживается... Треск, грохот стоит огромный, музыканты увлечены, все сильнее увлекается и профессор и, входя уже в раж, он кричит, применяя финские слова с русским распевом: «Сооой-та (играй) теема Чайковский... тара-ри-ра-ра, тари-ра-ри...» Наконец, наступает пауза. Выходят на перекур, кто в коридор, кто на улицу, подышать свежим воздухом и отдохнуть от диких созвучий.

Увлечение — это половина наслаждения, у профессора Радова в музыкальном институте группы были более подготовлены и работа там была совсем иная, рояли настроены, и там действительно можно было многому научиться. В летних условиях это скорее забава для «дяди» Радова, чем знакомство с музыкой. Увлекаясь, профессор не замечал несозвучия инструментов, не замечал неумения музыкантов, ему главное было пережить еще раз удачу своей организации, добиться ансамбля... и услышать свое детище — музыку!

Всего забавнее была его игра «с листа» или, как принято называть, «прима-виста». Когда он получал новую вещь, им ранее заказанную, то для него это был праздник! Он садился и проигрывал все произведение. Профессор не был пианистом, т. е. он не знал технических приемов фортепианного искусства, но вещи, которые были ему по силам, играл осмысленно. Один из его учеников в своем дневнике пишет: «В моей жизни было событие — я попросил сыграть мой Прелюд № 1 на публичном музыкальном экзамене профессора Радова. Помню, я сидел в зале, когда профессор вышел на эстраду (я ужасно трусил в тот момент). Начался мой прелюд. Я сидел и страдал, мне показалось моя музыка весьма примитивной и скучной. Думалось мне: «Ну и музыка, никуда не годится, нудно и совсем неинтересно... Далее начиналось прояснение, я как-то повеселел, дальше я уже поднял голову... Профессор нашел разрешение, сделал крещендо, и торжественная тема прелюда вошла в силу... Да я ли это написал, уже думалось мне. И затем блестящий финал — закончился мой прелюд. Профессор уходит, не кланяясь. Он меня предупредил: «Помни, я не буду раскланиваться, это ты виновник, так и выходи, даже тогда, когда будут свистеть, — улыбнулся он. — Стравинский только тогда и выходит, когда свистят!» Гром аплодисментов разразился после моего прелюда. Я был в конце зала и мне пришлось пробираться чуть ли не по ногам других к сцене, и я, весь красный от счастья и стыда, вышел на эстраду, кое-как поклонился и быстро «смылся» в публику. Помню, аплодисменты продолжались, но я поклонился уже не выходя на эстраду, испугался... Вот что наделал своей игрой профессор Радов.» Он понимал музыку и любил. А когда он играл «с листа», то он просил нас, учеников, перелистывать ноты. Нам нужно было следить слева и сверху осторожно вовремя перелистывать. Играл он нам симфонию Франца Шмидта, фортепианное переложение, написанную на смерть своей дочери. В то

время профессор Радов увлекался последователями Хиндемита и Р. Штрауса. Симфония, конечно, для нас была совсем неизвестная. Он, играя и увлекаясь, всегда отставлял правую ногу в сторону, немного сгибая ее и ерзая на стуле, как бы приготавливаясь стать на одно колено, сидел он на самом кончике стула и, играя, немножко присапывал, на носу скапливалась капля... Переворачивающий едва успевал перелистывать вовремя. Играл он в темпе, «мазал», но все нужные ноты были сыграны. Не раз мы слышали: «Переворачивай вовремя», — и его левая рука резко переворачивала лист.

Его доброе, любовное отношение к каждому ученику было весьма показательно. Тот большой лист, на котором был перечень фамилий, был сделан из бумаги в клетку. Фамилии были в вертикальном положении, против каждого имени стояли год и день рождения. Наверху по горизонтали обозначались числа месяца. При посещении или при наличии ученика на уроке ставится крупный крест в форме «Х», заполняя собой всю клетку. Группы, организованные им, очень подходили друг другу по уровню технической подготовки. Если кого не было, он сам садился и «заменял» отсутствующего.

Если день рождения ученика совпадал с днем урока, то профессор Радов всегда отмечал таковой подарком: книгой или сладостью и т. п. «Поздравляю» он говорил всегда открыто улыбаясь и вынимал какой-нибудь подарок к удивлению ученика. Зная языки, он часто негодовал на тех, кто неправильно произносил фамилию иностранного композитора. Раз пришла на урок некая девушка и радостно сообщила, что вчера была на концерте симфонической музыки и слушала «Фантастическую» симфонию Берлио... «Кого?» — спросил, недоумевая, профессор. «Берлио», — повторила ясно, но немножко застенчиво, девушка-ученица. «Какой это Берлио? Я такого не знаю, — гремел Радов, — ты, наверное, подразумеваешь имя Гектора Берлиоза, так он — Берли-оз!» — засвистел на нее профессор. Смутившаяся ученица начала что-то бормотать, что, мол, во французском языке окончания не выговариваются и т. п. «Есть и исключения, — назидательно подчеркнул профессор, — Берлиоз, и запомни это», — строго заметил он.

Представляя ученика ученику, профессор называл того и другого. Ученики пожимали друг другу руки и смущенно улыбались. Чаще всего девушки, пожав руку молодого человека, благодарили: «Спасибо — киитос». Профессора это бесило: «За что ты благодаришь, за что, ну, скажи фамилию и хватит, как принято, ну, скажи какую-нибудь любезность, но не надо благодарить..!»

Жил профессор «по-профессорски», он знал, что в стране титул много значит. На входной двери было большими печатными буквами и жирным шрифтом написано: «Проф. Д. А. Радов». Жил он один. Хозяйство вела прислуга — пожилая, небольшого роста грузная женщина, очень обожавшая своего, как она называла, «барина». Как позже выяснилось, семейная жизнь у него не сложилась.

Отвечая по телефону, он всегда прибавлял свое звание: «Профессор Радов». Его фамилия «не резала» финское ухо, так как много шведских фамилий были с подобными окончаниями: Аминов, Теслеф и др. Русские фамилии с окончанием на «ский» или соединенные (Любомудров,

Добронравов) или просто Иванов и Петров были весьма трудны для финского слуха или слишком русские.

Кабинет профессора был весьма оригинален. Посередине комнаты стоял письменный стол, за ним кровать-кушетка у стены (кровать находилась позади стула, на котором сидел хозяин). Наискось от стола, как бы против него, с левой стороны, стояло пианино. На стенах снизу до потолка развешены картины, большие и маленькие. Везде чувствовался простор, можно было зайти за пианино и, свободно двигаясь, рассматривать картины. Картинами были завешаны все стены, за исключением той, у которой стоял высокий помост. Помост стоял сразу у двери, высотой около полутора метров. На нем были перила, скамья и фонарь. Чтобы взобраться на помост, необходимо было подняться по ступенькам. Под помостом помещался «склад» с вырезками из газет и старыми «памятными журналами». Это возвышение было сооружено в Выборге. Профессор тогда жил на верхнем этаже. Поднявшись на помост, можно было видеть закат на Финском заливе. По переезде профессора в столицу, этот помост был перевезен как бутафория, вида на море теперь не было, из окна новой квартиры был виден только сад.

Профессор имел большую корреспонденцию со всего мира, так как был знаменитый лингвист, его грамматика монгольского языка является единственной до сих пор во всем мире, по ней учатся и сейчас. Знаменита была специальная книга для гостей профессора. Гость был обязан оставить в ней свой автограф: или написать что-то, или нарисовать, если гость уходил и не успевал оставить запись в книге, то профессор оставлял свободное место. «Это место я оставил для тебя, прошу, распишись, одного имени достаточно!» — говорил Радов, улыбаясь гостю.

Потеряв после или в связи с революцией родину, Радов до конца оставался русским и душой и воспитанием. Принадлежа к тогдашним «инакомыслящим», он болел за все русское на чужбине. Когда местные финские музыкальные круги выдвигали кого-нибудь из «своих» на музыкальный олимп, то Радов говаривал: «Не справится, куда ему, кишка тонка».

Профессор вспоминал, как он сам чуть не присутствовал на последнем концерте П. И. Чайковского, где сам гениальный автор дирижировал своей «Лебединой песней» — «Шестой симфонией». «Папа взял меня на следующий концерт, когда ту же шестую проводил Э. Направник... Зал весь плакал, тогда Чайковского уже не стало.» Он любил и церковное пение, и сам принимал участие в службе. Так рассказывала его прислуга, милая старушка-вдова, всю жизнь проведшая в его семье, он звал ее «Андреевна». «Барин раньше всегда любил церковь, — рассказывала Андреевна, — а теперь даже иконы, и те разлюбил, уж не знаю, что с ним случилось», — досадовала она. Андреевна очень горевала о своем муже. Прошло много лет, уже в столице она умерла в больнице для хроников. Барин, т. е. профессор Радов, присутствовал на ее похоронах и сказал проникновенные слова, в которых чувствовалась любовь к своей хранительнице и заботливой прислужнице. Его слово, сказанное на могиле, заканчивалось так: «...и теперь, когда душа ее

перешла в вечную жизнь, то она соединится с тем, о ком молила Бога — со своим мужем... Мир ее праху, Вечная память, Вечный покой...»

Семейная жизнь самого профессора, как уже сказано, не сложилась. У его супруги оказался непримиримый характер. Так, однажды, вернувшись из командировки, он узнал, что жена крестила детей по лютерански, что для него, православного, было полной неожиданностью, но поделаться он уже ничего не мог. Жена профессора хорошо владела русским языком, но по происхождению и воспитанию была шведкой. Детей профессор сначала воспитывал в русском духе, читал сказки и говорил с ними по-русски. Затем революция, после которой семья перешла на шведский язык, да и родители скоро разъехались... Связь с детьми профессор не потерял. Они, в свою очередь, обожали отца. Дочь очень любила музыку, недурно играла на скрипке, но музыканта из нее не вышло. Она вышла замуж за военного, офицера финской армии. Сын пошел по торговой части.

В губернском городе профессор представлял концертную фирму. Радов встречал и провожал артистов-гастролеров. Все было ему легко, так как языками он владел в совершенстве. Иногда он выступал как аккомпаниатор. Он был вечно в движении, всегда ему было спешно. Он и ходил быстро и говорил быстро, был и официален, и корректен, и весьма радушен.

Профессор всегда был с ясным умом и памятью и, дожив до преклонного возраста, никогда не прекращал работать, никогда не унывал, всегда что-то писал (или доклады, или ноты, а то отвечал на письма). Друзья часто навещали его, особенно в день рождения. У одного из его друзей дочь родилась как раз в тот же день, что и профессор. Он был этому так рад, что воскликнул: «Смотри-ка, какой день выбрала, браво!» День его именин друзья тоже отмечали. Это трогало Радова и, встречая гостей, он тоскливо констатировал: «Никто меня из родных в этот день не вспоминает. В этой стране наши православные именины не празднуют! Спасибо, что вспомнили!» — улыбаясь и обнимая гостей, говаривал он.

Внезапно пришла весть о его болезни: легкий паралич, тромбоз в мозгу. Поместили в больницу, там он немного отошел. Это было уже приближением конца. Никогда не болея ранее, он заболел, и смертельно. Перед смертью, за несколько дней, он послал за священником... И просил друзей, чтобы все было как полагается, по-правословному: и отпевание на славянском языке, и панихида... Умер он спокойно, в сознании причастившись, как бы опять присоединившись к православию.

Вечный покой, вечная память ему, любившему жизнь и сделавшему много добра своей любовью к людям. Мир его праху!

Судьба была к нему благосклонна, несмотря на трудности, он не потерял энергии и применял свое дарование всегда и всюду.

Такова была жизнь русского ученого на чужбине.

1984 г.

БЕЗУМНОЕ РЕШЕНИЕ ИЛИ РОКОВОЙ ШАГ

«Да он же гений,» — говорил директор музыкального института, обращаясь к преподавателю-виолончелисту, — и как только он к нам попал, каким образом нам так повезло!» Разговор происходил по дороге в институт, виолончелист и директор повстречались случайно, идя на уроки. Директор, красивый брюнет, разбирал в разговоре педагога и удивлялся сильному преподавательскому составу института.

Дело происходило в губернском городе «В» в 30-е годы. Виолончелист, поднимаясь на второй этаж, немного отстал от своего шефа и задумался над судьбой профессора гармонии и композиции. «Каким, действительно, образом судьба его закинула к нам?» — думалось ему. Вчера, за чашкой чая у дядюшки, бывшего скрипача бывшего Мариинского театра, разговорились о недавно поступившем преподавателе-профессоре Аксенове.

«Вообще, нашему институту как-то здорово везет,» — веско заявил бывший концертмейстер вторых скрипок оркестра Мариинской оперы, игравший под управлением самого Направника. «Представь себе, — обращался дядя к племяннику, — ведущая скрипачка нашего института — ученица прекрасного педагога профессора Ауэра, помнишь знаменитый смычок этого Ауэра? Да и сам наш заправила — квази-Тосканини, тоже отличный педагог, его напористость и умение добиваться результатов прямо поразительны. Пианисты тоже великолепны, и теперь вот, говорят, уже две недели у нас занимается гармонией и контрапунктом ученик Глазунова профессор Аксенов!?» Дядюшка вздохнул, помешал ложкой сахар в стакане и молча отпил чаю. Виолончелист сидел молча — он побаивался своего протеже-дядюшку, который играл вместе с его отцом в том же Мариинском оркестре. «Да, — протянул скрипач, — нужно будет с ним познакомиться, с этим профессором Харьковской и преподавателем Петербургской — ай, забыл, виноват, Ленинградской теперь — консерватории. Теперь ведь не удивительно, что у нас появились такие звезды, оттуда все ведь бегут, всякие были и небылицы рассказывают. Надо будет повидаться и поговорить с Аксеновым», — закончил дядя.

Все это припомнилось виолончелисту, очень маленького роста мужчине, лицом напоминающего мальчика, хотя ему уже было далеко за тридцать. Звали его Франц Герт. Он направлялся в свой класс и в коридоре натолкнулся на высокого роста мужчину, немножко сутулого, с приятными чертами лица. Во рту тот слюнявил забытую папиросу. Одет он был в летнее поношенное пальто. Шел, опустив голову, о чем-то, очевидно, размышлял. В руках он держал черную фетровую с большими полями шляпу и собирался, очевидно, ее надеть, подходя к двери. Франц обратил на незнакомца внимание. «Я раньше его не встречал здесь, — подумал он, — возможно, это и есть тот профессор из России».

Не долго думая, Франц Герт подскочил к незнакомцу и спросил его в упор: «Простите, Вы не профессор Аксенов?» Мужчина удивленно посмотрел на, как ему показалось, мальчика, и медленно ответил: «Вы говорите по-русски? Да, это я, а в чем дело? «Позвольте представиться, Франц Герт, преподаватель виолончели, мой дядя хотел бы с Вами повидаться и познакомиться». «Очень приятно, — промолвил профессор, вынимая замусоленную папиросу, — как Ваша фамилия, я не расслышал». «Герт», — немножко смутившись, повторил виолончелист. «Это Ваш папаша — Николай Герт, солист бывшего Марининского оркестра?» «Да, это он», — ответил «юноша». «Ну, тогда мы знакомы, я его помню по Петербургу, очень рад буду повидаться, передайте мой привет Вашему дяде и скажите, что я бываю здесь, в институте, почти каждый день, кроме понедельника и субботы с двух часов до шести, номер класса — пятый. Очень рад, что нашел друзей, говорящих по-русски. До свидания». Профессор скрылся за дверью. А Франц Герт, радостный, что удружил дяде, пошел в свой класс. Вечером он сообщил дядюшке Эрику Герту о своем знакомстве с Аксеновым. Дядя похвалил племянника за смелость и заодно высказал сожаление, что отец отсутствует: «Из Вены быстро не приедешь, да и при нынешних условиях это весьма непросто, главное, очень накладно».

Через неделю, в воскресенье, все трое — виолончелист, профессор и дядя — собрались на квартире у последнего за чашкой чая с вкусным вареньем, которым угощала жена Эрика Герта Маргарита Ивановна. Она немного посидела и под благовидным предлогом скрылась и оставила музыкантов «знакомиться». Жена Эрика подрабатывала в больнице на дежурствах, куда и торопилась.

«Ах, как я рад, дорогой профессор, что Вы здесь. Ну, рассказывайте, как Бог Вас нам послал? Подумайте, мы здесь, в маленьком финском городе, можем конкурировать с консерваториями всего мира. У нас здесь столько замечательных музыкантов и скрипачей, и пианистов, да и виолончелисты неплохи в нашем институте, так что мы сильны.» Выслушав такую тираду бывшего концертмейстера оперного оркестра Эрика Густавовича Герта, профессор Аксенов не знал, с чего начать. Немного сосредоточившись и помолчав, Василий Петрович Аксенов по-профессорски начал отвечать.

«Я уроженец этого города, учился в реальном лицее, сын купца Аксенова. Это моя, так сказать, родословная. А как я сюда сейчас попал, то это весьма длинная история и так сразу всего не расскажешь. Все это, может быть, и интересно, а также и грустно, но жизнь идет вперед... Сейчас все так сильно изменилось, что и не знаешь, как поступать дальше. Разрешите закурить?» — оборвал неожиданно свою речь профессор.

«О да, конечно, — разрешил хозяин. — Простите, я Вас, Василий Петрович, так с места в карьер, спрашиваю, все это, конечно, не просто. Вот и наше присутствие здесь, в городе «В», тоже как-то неожиданно вышло. Я поражаюсь нашему шефу, директору Даниилу Гуттенбергу. Какая у него энергия и находчивость, недаром евреев считают гениальным народом. Вот, представьте себе, ведь и язык знает скверно, я имею

ввиду, финский язык, произносит очень плохо: вместо «юкси» — «икси» и т. д., и никто из горожан ему этого дефекта не ставит на вид. Женился он на богатой вдове-шведке и ему все прощается. Придумал себе псевдоним, вместо Гуттенберг — стал Лиинад. Как будто и по-фински, или что-то иностранное. И знаете, как он это придумал? Нет, не догадаетесь: он перевернул свое имя — Даниил, то есть прочитал его справа налево, и получил Лиинад! Ведь здорово! Находит средства для оркестра, находит музыкантов, платит им, можно сказать, нищенское жалование, но платит. Устраивает концерты симфонической музыки. Нашел себе местного вундеркинда и с ним занимается, как вол, «не на страх, а на совесть». Я вот случайно как-то стоял у двери его класса и слушал, как он заставлял своего ученика зубрить один пассаж в течение двадцати минут. Вы понимаете, одно и то же место, не скрою, поганое для скрипки, но, конечно, исполнимое, и бедняга мальчик спокойно долбил. Вот поверьте, он из него еще сделает звезду и заработает! Ну, виноват, — спохватился дядя, — рассказывайте Вы теперь. Я Вас спросил, а рассказывать стал сам. Как Вы очутились здесь? Ведь у Вас была профессура в Петербурге, ах, простите, в Ленинграде, никак не могу привыкнуть к новому названию, все Питер и Питер, так и лезет.»

«Да, что ж, — с расстановкой продолжил профессор. — Учился я в Питере у самого Глазунова, преуспевал, мне давалось все довольно легко. Занимался я и у Лядова, довольно скучные были уроки. Прошел фортепиано — курс для теоретиков, и стал интересоваться контрапунктом, в чем и преуспел. Одним словом, музыка меня захватила всего, я днем и ночью сочинял. Написал квартет для струнных и показал А. Глазунову, тот одобрил, в одном месте нашел мое голосоведение ошибочным, это меня как-то сильно задело, и я переделал всю часть этого квартета. Ну вот... Затем революция, и, сами понимаете, большие перемены. Трудности и семейного характера, и материального. Но вот меня пригласили в Харькове профессором по классу гармонии и контрапункта. Я с радостью переехал на юг, до этого я уже был преподавателем Ленинградской консерватории. Все шло, можно сказать, как по маслу, и ученики талантливые появились, и женился я, и дети пошли, работы было много. Я стал писать свой учебник гармонии, собирался защищать диссертацию и получать докторат, но все почему-то тормозили: то одного не хватает, то другого, то кто-то отсутствует и т. д. Но со всем этим можно было мириться, хотя и трудные времена в смысле продовольствия тогда были, но на юге все же лучше было, чем на севере», — профессор вздохнул, затушил папиросу и продолжал.

«Как вдруг издали декрет об иностранцах, то есть иностранным подданным не разрешается больше работать на государственных местах и им предлагается или принять советское гражданство или покинуть страну!... Это было как гром и молния среди белого дня, все иностранцы всполошились и стали первым делом собираться, особенно не думая. Я все ждал, что вот, как-нибудь все устроится и особых мер к принятию советского гражданства не принимал, ну и догодил до того, что власти добрались до меня и пришлось убираться восвояси... Тут и явилась мне

мысль о городе «В», я ведь здесь родился и вырос. Но то было при царском времени, а теперь здесь хозяин переменялся и все по-фински, и я попал «как кур в ощип», финский язык я знаю очень поверхностно. Ну, начались мои скитания. Я уже здесь около года болтаюсь, мои родственники живут и посейчас здесь... Ой, всего я и моя семья здесь повидали, не дай Бог. Жене климат не подходит, все болеет. Я же и уроки математики получил в лицее, и играл где придется... Жилплощадь скверная: чердачное помещение... И голод и холод... Не раз я сетовал на жизнь, что зря не принял советское гражданство, но... поздно! Теперь две недели тому назад я получил место преподавателя у Даниила Гутенберга. Получаю жалование, хоть и небольшое, но постоянно. Жаль мне, что я языка не знаю, немецкий здесь плохо знают, а русский, сами понимаете — это как красная тряпка быку!..» — он кончил говорить и наступило молчание.

«Да это же безумие, бросить все так сразу, — воскликнул Эрик Герт. — Конечно, мы все остались на бобах, но все-таки я уже стар, скоро и пенсия так или иначе, да к тому же родственники в Вене, но Ваше положение... ужасно остаться “среди океана на шлюпке”... Конечно, Вы для Даниила находка, находка действительно большая... Вы здесь орел среди нас всех, недаром Даниил “Лиинад” сказал про Вас, что Вы — гений!»

«Что, это я-то?! — воскликнул профессор. — Неудачник я, вот кто, а Вы говорите — гений. Ха-ха! — Саркастически засмеялся Аксенов. — Дело мое кончено, я потерял все, шаг, мною сделанный, оказался роковым, мне уже не вернуть того, чего я достиг, а Вы называете меня гением. Что Вы?..»

Произошла неожиданная пауза. Растерянно смотрел по сторонам Эрик Густавович, не находя слов для продолжения разговора. Потом собрал силы и заговорил: «Да, да, конечно, Вам трудно, очень трудно, но Вы, профессор, среди нас действительно гений, Вы так много знаете: оркестровку, композицию... У Вас диплом, Вы — профессор, доктор, а мы — способные музыканты. Вот он, — он указал на племянника Франца, — талантливый виолончелист, но еще не готов, немножко с ленцой, а уже преподает и неплохо. Сейчас наш Лиинад организовал институт благодаря находчивости, но все это не по чину местному, так как там, в столице, в консерватории, где учился здешний корифей Жан Сибелиус, там — критерию финской музыки, там дают дипломы и выходят финские музыканты. Нас не признают, может быть, как-то интересуются, но смотрят свысока. А если мы полезем к «ним» со своими бумажками, то заставят сдавать вступительный экзамен, так как там преподают дипломированные, а мы — так, «с бору да с сосенки». Возможно и лучше их музыканты, выросшие в России, но только музыканты, но не компетентные педагоги. Вы же, профессор, Вы — светоч среди нас! Вы учились вместе с Шостаковичем... Да, действительно, Вы сделали роковой для Вас шаг, потеряли все, но время теперь такое, наши годы — годы известного исторического безвременья. Сколько сломалось судеб, сколько семей разбито... Да, жаль, что так все получилось, но Вы не падайте духом! Вас закинула судьба в наш,

вернее, в Ваш, город, и Вы еще найдете выход, я верю в это! Такое дарование, как Ваше и с таким большим стажем не пропадет даром. Вы сможете сделать столько добра и поставить многих будущих композиторов на верный путь, дать им то, что им и не снилось. Вы принесете огромную пользу музыке и искусству, хотя и не в своей стране. Скажу больше, к сожалению, к великому сожалению, там Вы были на своей ниве и Вам было бы там во сто крат легче, но здесь Вы — на «чужбине», хотя Вы-то финляндский подданный, но все же там, в России, Ваши корни. Я верю, — тут Эрик сделал паузу, — Вы будете воспитывать будущих музыкантов, композиторов и творить чудеса, потому что Вы гений, посланный нам с неба!»

Профессор сидел молча, его лицо было светло, что-то похожее на улыбку озаряло его. Он, конечно, не верил патетическим излияниям Эрика Густавовича, но они как-то успокоили его может быть на время, возможно, еще что-нибудь и случится приятное в его трудной жизни... Бог знает!

«Смотрите, времени уже столько, как я засиделся, пора и домой», — произнес профессор Аксенов, нехотя вставая. Хозяин его не удерживал. Попрошавшись, Аксенов вышел на улицу. Шел весенний морозящий дождь. Невесело было на душе профессора.

«Что-то будет дальше? — думалось ему. — И какие сюрпризы ждут меня впереди? Гений!.. нечего сказать, и придумают же люди!» Надвинув глубже свою шляпу и как-то сжавшись, профессор поплелся к себе в уютную квартиру. Зонт он забыл дома.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	9
Федор Васильевич Миролюбов	13
Начальная школа	19
Женский и мужской интернаты	24
Териокское реальное училище (Т.Р.У.)	29
Церковная жизнь	37
Хоровая жизнь	43
Театральная жизнь	50
Разное о жизни в Териоках	58
Послесловие	70
Примечания	71

РАССКАЗЫ

Два териокских русских баса	74
Смерть матери	77
Судьба многих или Забытый художник	80
Профессор	84
Безумное решение или Роковой шаг	91

ISBN 5-86983-057-5

Миролюбов
Петр Федорович
«Русская жизнь в Териоках»

Составитель: К. Виноградов.

*Фотоформы изготовлены издательским предприятием «ДваТри»
191011 С.-Петербург, Невский пр., 44*

Подписано в печать: 9.08.2004. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60×90 1/16. Тираж 500 экз. Усл. печ. листов 6.

Отпечатано в типографии «Любавич»
195009, С.-Петербург, ул. Комсомола, 1/3
тел. (812) 324-61-99

